

МНО «НАУКА БЕЗ ГРАНИЦ»

Ежемесячный научный журнал

№ 3 (9) / 2015

Главный редактор — д.фил.н. Андреева И.В.

Ответственный секретарь — к.фил.н. Заворюхин К.П.

	Азарова Э.Н. – д.ф.н.
	Бербик З.В. – д. филос.н., член РАН
	Михайлова Т.Н. – д. ф. н.
	Незамичев К.К. – д.п.н.
	Остюшкин Д.П. - д.ф.н.
	Петрусинская Н.Я. – д.п.н.
	Поганяйло С.О. – д.филос.н.
	Самроский Д.Ю. – д.и.н.,
	Чижиков П.П. – д.п.н.
	Фамильцев Р.Ф. – д.соц.н., научный сотрудник РАН
	Шелудько О.З. – к.ф.н.
	Шевцова О.В. – д.полит.н.
	Яремчев Ю.Е. – д.филос.н.

Ответственный редактор

д.фил.н. Андреева И.В.

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов. При перепечатке ссылка на журнал обязательна. Материалы публикуются в авторской редакции.

Международные индексы:

Главный редактор — д.фил.н. Андреева И.В.

Ответственный секретарь — к.фил.н. Заворюхин К.П

	Азарова Э.Н. – д.ф.н.
	Бербик З.В. – д. филос.н., член РАН
	Михайлова Т.Н. – д. ф. н.
	Незамичев К.К. – д.п.н.
	Остюшкин Д.П. - д.ф.н.
	Петрусинская Н.Я. – д.п.н.
	Поганяйло С.О. – д.филос.н.
	Самроский Д.Ю. – д.и.н.,
	Чижиков П.П. – д.п.н.
	Фамильцев Р.Ф. – д.соц.н., научный сотрудник РАН
	Шелудько О.З. – к.ф.н.
	Шевцова О.В. – д.полит.н.
	Яремчев Ю.Е. – д.филос.н.

Художник: Азарова Катерина Тихоновна

Верстка: Ручников Сергей Антонович

*Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.*

Адрес редакции: 620142, г. Екатеринбург, Щорса ул., д. 56

Адрес электронной почты: info@mnoborders.ru

Адрес веб-сайта: <http://mnoborders.ru/>

Учредитель и издатель МНО «Наука без границ»

Тираж 1000 экз.

Отпечатано в типографии 620142, г. Екатеринбург, Щорса ул., д. 56

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Ермакова М. С.

ПЕРЕСЕЧЕНИЕ КОНЦЕПТОВ DIE WAHRHEIT (ИСТИНА) И DIE GERECHTIGKEIT (СПРАВЕДЛИВОСТЬ) НА МАТЕРИАЛЕ КРИМИНАЛЬНОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ Ф.КАФКИ «ПРОЦЕСС».....4

Фотина Н. Э.

СРЕДСТВА ВВОДА НЕСОБСТВЕННО-ПРЯМОЙ РЕЧИ В РАССКАЗАХ А.П. ЧЕХОВА 1888–1894 ГГ.....6

Мыскин С. В.

ОБОСНОВАНИЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЪЕКТА ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ.....10

Огольцева Е. В.

СИНОНИМИЯ УСТОЙЧИВЫХ СРАВНЕНИЙ В ЕЁ СООТНОШЕНИИ С АНТОНИМИЕЙ И ПОЛИСЕМИЕЙ.....11

Павлова Н.П.

КОГНИТИВНЫЙ ОПЫТ И ОСВОЕНИЕ ПИСЬМА РЕБЕНКОМ.....15

Татарина Л. В.

ONTOLOGY VS TECHNOLOGY..... 19

Ярмашевич М. А.

ТЕНДЕНЦИИ СЕМАНТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ГРАФО-ЛЕКСИЧЕСКИХ АББРЕВИАТУР В РАЗНОСТРУКТУРНЫХ ЯЗЫКАХ.....23

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Глушенкова О. А.

ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКИЕ МОТИВЫ ПРОЕКЦИИ ЛИЧНОСТИ НАЗАРА ЧАГАТАЕВА НА ПРОСТРАНСТВА ДИХОТОМИИ «МОСКВА-ТУРКМЕНИЯ».....28

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Ермакова М. С.

ПЕРЕСЕЧЕНИЕ КОНЦЕПТОВ DIE WAHRHEIT (ИСТИНА) И DIE GERECHTIGKEIT (СПРАВЕДЛИВОСТЬ) НА МАТЕРИАЛЕ КРИМИНАЛЬНОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ Ф.КАФКИ «ПРОЦЕСС».

Нас заинтересовала проблема влияния профессиональной деятельности человека на отбор автором лексики, окружающей лексемы die Wahrheit (истина) и die Gerechtigkeit (справедливость). Мы выбрали для анализа произведение Ф. Кафки «Процесс», так как он представляет вниманию читателя криминалистическую тематику. Нам было важно посмотреть насколько профессиональная сторона участвующих в повествовании судебных работников помогает или мешает понять сущность произведения, проследить возможность пересечения таких понятий, как истина и справедливость.

1. »Es sieht so aus«, sagte das Mädchen leise in K.s Ohr, während sie sich dem Gang näherten, »als ob mir besonders viel daran gelegen wäre, den Auskunftgeber in ein gutes Licht zu stellen, aber man mag es glauben, ich will doch die Wahrheit sagen. Er hat kein hartes Herz.

– Вам могло показаться, - зашептала девушка на ухо К., когда они подходили к коридору, - будто я стараюсь представить заведующего справочным бюро в чересчур выгодном свете, но поверьте, что я говорю правду. У него не злое сердце.

2. »Um Himmels willen, Josef, antworte mir doch! Ist es wahr, kann es denn wahr sein?« »Lieber Onkel«, sagte K. und riß sich von seiner Zerstreutheit los, »ich weiß ja gar nicht, was du von mir willst.« »Josef«, sagte der Onkel warnend, »die Wahrheit hast du immer gesagt, soviel ich weiß. Soll ich deine letzten Worte als schlimmes Zeichen auffassen?«

– Ради всего святого, Йозеф, ответь мне! Неужели это правда, неужели это действительно так?

– Милый дядя, - сказал К., с трудом выходя из оцепенения.

– Понятия не имею, чего ты от меня хочешь

– Йозеф, - сказал дядя с укоризной, - насколько я знаю, ты всегда говорил правду. Неужели твои последние слова дурной знак? В данном отрывке текста мы можем проследить, что поиск истины и требование справедливости пересекаются, базируясь на одинаковом отношении искателей правды к имеющим место поведенческим актам. Таким образом, даже при желании поместить эти два пространства правдоискательства (и поиск истины, и требование справедливости) в одно пространство, мы не уходим от проблемы субъективности в поисках и установлениях правды. Устремление к правде ещё больше, чем устремление к справедливости и истине носит индивидуальный характер.

3. Alle Beamten seien gereizt, selbst wenn sie ruhig scheinen. Natürlich haben die kleinen Advokaten besonders viel darunter zu leiden. Man erzählt zum Beispiel folgende Geschichte, die sehr den Anschein der Wahrheit hat.

Все чиновники раздражены, даже когда кажутся внешне спокойными. И от этого, разумеется, больше всего страдают мелкие адвокаты. Рассказывают, например, следующую историю, удивительно похожую на правду.

В данном примере само синтаксическое построение предложения свидетельствует о том, что сам автор признаёт существование множества правд.

4. »Sie sind wohl ein Vertrauensmann des Gerichtes?« fragte er. Sofort legte der Maler die Stifte beiseite, richtete sich auf, rieb die Hände aneinander und sah K. lächelnd an. »Nur immer gleich mit der Wahrheit heraus«, sagte er, »Sie wollen etwas über das Gericht erfahren, wie es ja auch in Ihrem Empfehlungsschreiben steht, und haben zunächst über meine Bilder gesprochen, um mich zu gewinnen.

- А вы, должно быть, доверенное лицо в суде? - спросил он.
 - И тут художник отложил карандаши, выпрямился и, потирая руки, с улыбкой посмотрел на К.
 - Ну, давайте начистоту! - сказал художник. - Вы хотите что-то узнать о суде? Кстати, так и написано в вашем рекомендательном письме, а о моих картинах вы заговорили, чтобы расположить меня к себе.
5. Diese enthalten allerdings sogar in der Mehrzahl wirkliche Freisprechungen, man kann sie glauben, nachweisbar sind sie aber nicht. Trotzdem muß man sie nicht ganz vernachlässigen, eine gewisse Wahrheit enthalten sie wohl gewiß, auch sind sie sehr schön, ich selbst habe einige Bilder gemalt, die solche Legenden zum Inhalt haben.

Правда, в большинстве из них говорится о полных оправданиях, в них можно верить, но доказать ничего нельзя. Однако и пренебрегать ими не следует, какая-то крупница истины в них, безусловно, есть, и, потом, они так прекрасны! Я сам написал несколько картин на основании этих легенд.

Сам автор, выбором лексики выражает некоторое недоверие к тому, что истина сливается со справедливостью.

Рассмотрим же примеры, которые предоставляет нам автор с понятием die Gerechtigkeit (справедливость)

1. «Höre nicht auf ihn», sagte Willem und unterbrach sich nur, um die Hand, über die er einen Rutenhieb bekommen hatte, schnell an den Mund zu führen,» wir werden nur gestraft, weil du uns angezeigt hast. Sonst wäre uns nichts geschehen, selbst wenn man erfahren hätte, was wir getan haben. Kann man das Gerechtigkeit nennen?
- Ты его не слушай... - сказал Виллем и осекся, торопливо поднося губам руку, по которой его хлестнула розга. - Нас наказывают только из-за твоего доноса. Иначе нам ничего не сделали бы, даже если б узнали про наши дела. А разве это называется справедливостью?

Само предложение свидетельствует о том, что можно сомневаться, что эта справедливость выражает единственное понимание ситуации. Надо учесть, что это отношение к справедливости распространяется на группу людей, и это типичный случай, когда справедливость рассматривается в рамках определённого сообщества. То, что

является справедливым для одних, является несправедливым для других. И, так как мы считаем, что справедливость подвергается дополнительной оперативной переработке и распределяется по группам, по слоям, то здесь она играет роль ключевого слова.

2. «Das ist ja ein Richter», hatte K. gleich sagen wollen, hielt sich dann aber vorläufig noch zurück und näherte sich dem Bild, als wolle er es in den Einzelheiten studieren. Eine große Figur, die in der Mitte der Rückenlehne des Thronsessels stand, konnte er sich nicht erklären und fragte den Maler nach ihr. Sie müsse noch ein wenig ausgearbeitet werden, antwortete der Maler, holte von einem Tischchen einen Pastellstift und strichelte mit ihm ein wenig an den Rändern der Figur, ohne sie aber dadurch für K. deutlicher zu machen.»Es ist die Gerechtigkeit», sagte der Maler schließlich.

"Да ведь это судья", - хотел было сказать К., но удержался и, подойдя к картине, стал рассматривать ее во всех подробностях. Ему показалась непонятной длинная фигура, стоявшая за высокой спинкой кресла, похожего на трон, и он спросил художника, что это такое.

- Ее надо еще немного подработать, объяснил ему художник и, взяв со столика пастельный карандаш, несколькими штрихами подчеркнул контуры фигуры, но для К. она от этого не стала яснее. - Это Правосудие, - объяснил наконец художник.

- 3 «Jetzt erkenne ich sie schon», sagte K., »hier ist die Binde um die Augen und hier die Waage. Aber sind nicht an den Fersen Flügel und befindet sie sich nicht im Lauf?« »Ja«, sagte der Maler, »ich mußte es über Auftrag so malen, es ist eigentlich die Gerechtigkeit und die Siegesgöttin in einem.« »Das ist keine gute Verbindung«, sagte K. lächelnd, »die Gerechtigkeit muß ruhen, sonst schwankt die Waage, und es ist kein gerechtes Urteil möglich.

- Да, теперь узнаю, - сказал К. - Вот повязка на глазах, а вот и чаши весов. Но, по-моему, у нее крылышки на пятках, и она как будто бежит!
- Да, сказал художник, - я ее написал такой по заказу. Собственно говоря, это богиня правосудия и богиня победы в едином лице.
- Не очень-то правильное сочетание, - сказал К. с улыбкой.
- Ведь богиня правосудия должна стоять на месте, иначе весы придут в колебание, а тогда справедливый приговор невозможен.

Данный пример, связанный с юриспруденцией, подтверждает диалектическую шаткость понимания лексемы *die Gerechtigkeit*, как нечто постоянного, это явно субъективная категория. Судебный сотрудник подчёркивает, что возможно колебание, если изобразить статую правосудия с крылышками.

4 Allmählich umgab dieses Spiel des Schattens den Kopf wie ein Schmuck oder eine hohe Auszeichnung. Um die Figur der Gerechtigkeit aber blieb es bis auf eine unmerkliche Tönung hell, in dieser Helligkeit schien die Figur besonders vorzudringen, sie erinnerte kaum mehr an die Göttin der Gerechtigkeit, aber auch nicht an die des Sieges, sie sah jetzt vielmehr vollkommen wie die Göttin der Jagd aus.

Постепенно игра теней образовала вокруг головы судьи что-то вроде украшения или даже короны. Но вокруг фигуры правосудия ореол оставался светлым, чуть оттененным, и в этой игре света фигура выступила еще резче, теперь она уже не напоминала ни богиню правосудия, ни богиню победы; скорее всего, она походила на богиню охоты.

Данный пример свидетельствует о том, что понятие справедливости даже в судебных стенах

является колеблющимся, непостоянным, и категория эта является субъективной.

Рассматривая отрывки из произведения Ф. Кафки, мы убеждаемся в том, что с самого начала мы могли подойти к употреблению лексем, описывающим атрибуты справедливости, как к субъективным. Но, учитывая, что стремление к справедливости свойственно всему человечеству, приходится делать вывод, что все эти субъективные вещи могут быть сложены, и получится общее стремление к справедливости. Поэтому, учитывая то, что в немецкой литературе Ф.Кафка всегда считался стилистом высокого класса, и он всегда хотел подчеркнуть не только субъективную сущность понятия *die Gerechtigkeit*, а то, что оно свойственно всему человечеству без исключения, то по сравнению с понятием истина компонент всеобщности настолько незначителен, что категорию *Die Wahrheit* можно считать субъективной. И, таким образом, мы должны признать, что истина более субъективна и приближается в некоторых случаях к теологическому пониманию, что она является атрибутом всего человечества, но выделять отдельные группы не приходится, потому что даже религиозные воззрения могут заключаются как в суде, в душе отдельного человека.

Фотина Н. Э.

СРЕДСТВА ВВОДА НЕСОБСТВЕННО-ПРЯМОЙ РЕЧИ В РАССКАЗАХ А.П. ЧЕХОВА 1888–1894 ГГ.

аспирант Волгоградского государственного университета, г. Волгоград

MEANS OF FREE INDIRECT SPEECH IN THE A. CHEKHOV'S STORIES FROM 1888 TO 1894

Fotina Nadezhda, Post-graduate student of Volgograd State University, Volgograd

АННОТАЦИЯ

В работе исследуется несобственно-прямая речь в рамках авторского повествования в рассказах А.П. Чехова 1888–1894 гг. Установлен состав разноуровневых (морфологических и синтаксических) средств языка, вводящих несобственно-прямую речь в повествовательную структуру текста, проанализировано их соотношение и выявлена специфика функционирования.

ABSTRACT

This paper presents the results of the research free indirect speech in the author's narrative in A. Chekhov's prose works from 1888 to 1894. The set of split-level language means (morphological and syntactical) that show free indirect speech in the structure of the text is established. The parity of the means mentioned and specificity of their usage is under analysis.

Ключевые слова: несобственно-прямая речь; средства ввода несобственно-прямой речи; функции несобственно-прямой речи.

Keywords: free indirect speech; means of input of free indirect speech; functions of free indirect speech.

Как известно, несобственно-прямая речь (далее НПР) представляет собой одну из форм передачи чужого слова, для которой характерна совмещенность речевых планов повествователя и персонажа [6], позволяющая освещать одно и то же явление одновременно с разных точек зрения [3].

Несмотря на наличие ряда работ, посвященных исследованию способов передачи речи персонажа в художественном тексте [1, 2, 4 и др.], вопросы функционирования НПР в прозе А.П. Чехова остаются слабо изученными. Поэтому актуальным становится описание средств и функций НПР в прозаических произведениях писателя, что позволит, с одной стороны, расширить имеющиеся представления о чеховской поэтике, а с другой – уточнить спектр средств передачи чужой речи, зафиксированной в рамках авторского повествования.

В нашем материале (тексты рассказов А.П. Чехова 1888–1894 гг. общим объемом 15 печатных листов) НПР вводится в структуру авторского нарратива с помощью комплекса морфологических (58 % употреблений от общего объема), синтаксических (31 %) и лексических (11 %) средств языка. Так как в чеховском повествовании обозначенного периода наблюдается значительное преобладание

грамматических средств включения в повествование «голоса» персонажа, в рамках данной работы остановимся на рассмотрении специфики функционирования морфологических и синтаксических средств.

По нашим наблюдениям, к числу морфологических маркеров речевого плана персонажа в авторском повествовании относятся: различные глагольные формы; неопределенные местоимения и наречия; безлично-предикативные слова; именные формы. Частотность употребления этих средств отражена на рисунке 1.

Как видно из рисунка, наиболее частотными средствами ввода НПР (80 % употреблений от общего объема) являются глагольные формы. Их соотношение представлено на рисунке 2.

Среди глагольных форм в чеховской прозе 1888–1894 гг. преобладают личные формы (40 %), которые могут использоваться в нескольких типах конструкций: «личная форма глагола + подчинительный союз (союзное слово)»; «личная форма глагола + дополнение в косвенном падеже»; «личная форма глагола + дополнение в косвенном падеже + слова с оценочной семантикой»; «личная форма глагола + возвратное местоимение себя».

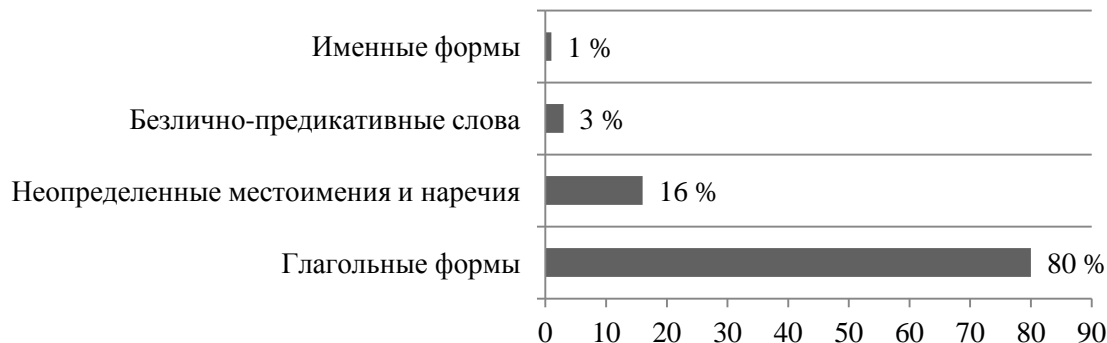

Рисунок 1. Частотность употребления морфологических средств, вводящих НПР в рассказах А.П. Чехова 1888–1894 гг.

При этом для введения в повествовательную структуру текста «точки зрения» персонажа используются личные формы глаголов определенных лексико-грамматических разрядов – глаголы речи, психической или интеллектуальной деятельности, например: Кто-то из приятелей сказал однажды про Васильева, что он талантливый человек; Она по опыту знала, что, занимая гостей, гораздо легче и удобнее говорить, чем слушать.

Появление в чеховском повествовании речевого плана персонажа возможно благодаря смене глагольных форм времени (35 %), что позволяет

представить мыслительную деятельность персонажа в ее непосредственном протекании, отразить наиболее естественным образом ход его рассуждений, например: Его мучила мысль, что он, порядочный и любящий человек (таким он до сих пор считал себя), ненавидит этих женщин и ничего не чувствует к ним, кроме отвращения.

Безличные формы глаголов (14 %), маркирующие ввод чужого слова в авторское повествование, функционируют в следующих типах конструкций: «безличная форма глагола + дополнение в косвенном падеже, указывающее на субъект, +

подчинительный союз»; «безличная форма глагола + дополнение в косвенном падеже, указывающее на субъект, + инфинитив». Семантика таких безличных глагольных форм связана с обозначением психической деятельности персонажа, и прежде всего с такими формами ее проявления,

как восприятие и желание, например: Он дремлет, и кажется ему, что вся природа находится в дремоте; Ей хотелось сейчас же, не откладывая до завтра, высказать мужу все, оскорбить его, отомстить...

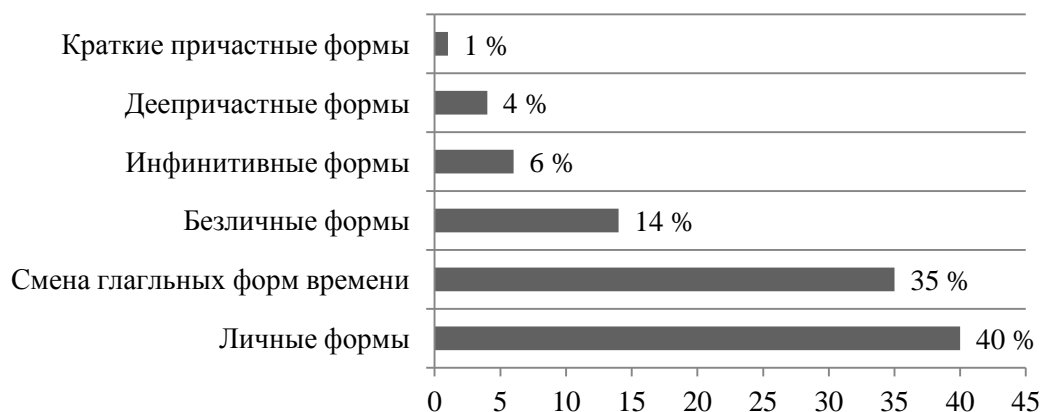

Рисунок 2. Соотношение глагольных форм, маркирующих ввод НПР в рассказах А.П. Чехова 1888–1894 гг.

Инфинитивные глагольные формы (6 %) используются в повествовательной структуре чеховского текста в конструкциях типа «инфинитив (как основная часть составного глагольного сказуемого) + подчинительный союз (союзное слово)», например: Мать Пелагея побежала в усадьбу к господам сказать, что Ефим помирает. Наши наблюдения показывают, что в качестве подобных инфинитивных форм выступают глаголы речи и мышления.

Кроме того, появление «голоса» персонажа в повествовании может выражаться употреблением конструкций с деепричастными глагольными формами и подчинительными союзами (союзными словами) (4 %), например: Не понимая, отчего так резко изменились их милые, благодушные отношения, Таня жалась к отцу и с тревогой заглядывала в его глаза... Семантика деепричастий, функционирующих как средство ввода НПР в чеховском тексте, связана со значением психической и интеллектуальной деятельности персонажа.

Наконец, НПР может маркироваться включением в авторское повествование кратких причастных форм, однако такие случаи в рассказах 1888–1894 гг. единичны.

Вторым по частотности морфологическим средством ввода НПР являются неопределенные местоимения и наречия (16 %), например: ...Ергуннов услышал ржанье и разглядел в потемках еще чью-то лошадь... Включение в повествовательную структуру единиц неопределенного объема позволяет изобразить происходящее с позиции персонажизированного восприятия персонажа, с учетом

его знаний и степени осведомленности относительно происходящего.

В число морфологических средств ввода НПР в чеховской прозе также входят безлично-предикативные слова (3 %), образующие особые конструкции вместе с дополнениями в косвенных падежах, указывающими на субъект, и подчинительным союзом «что». Семантика безлично-предикативных слов в самом общем виде связана с отражением процессов, протекающих в сознании персонажа, например: ...и для нее уже ясно было, что мужа своего она не любит и любить не может... Кроме того, безлично-предикативные слова могут указывать на эмоциональное состояние персонажа или выражать его оценку того или иного состояния или действия, например: ...обоим было приятно, что она вспомнила про них и пришла поздороваться.

Еще одним морфологическим средством, маркирующим НПР, являются формы имен существительных в именительном или косвенных падежах (1 %) в рамках конструкций с подчинительным союзом. В качестве таких существительных функционируют абстрактные слова со значением интеллектуальной деятельности или душевного состояния и эмоций персонажа.

Как показывает анализ имеющегося в нашем распоряжении материала, на синтаксическом уровне сигналами ввода НПР в структуру авторского повествования являются различные средства формирования и выражения субъектно-экспрессивных и субъективно-модальных значений.

Наиболее частотным средством ввода НПР (27 % употреблений от общего объема) являются безличные предложения, главный член которых может быть выражен: безлично-предикативным словом на -о; безличным глаголом; модальным безлично-предикативным словом; отрицательным словом или конструкцией, выражающей отрицание. Общим релевантным же признаком становится семантика предиката, указывающая на психическое, эмоциональное, физическое состояние или на зрительное или слуховое восприятие, например: Калашников настроил балалайку и заиграл, и фельдшер никак не мог понять, какую он песню играет, веселую или грустную, потому что было то очень грустно, даже плакать хотелось, то становилось весело.

Модальные слова и конструкции, в функции вводных слов и словосочетаний (26 %) выступают в качестве одного из ведущих средств трансформации модальности в чеховской прозе и служат, как отмечается в [5], для указания на чужие мысли, слова, их стиль и оценку или последовательность, например: По ее мнению, теперь ей оставалось только одно: поскорее одеться и навсегда уехать из этого дома.

Сигналом ввода речевого плана персонажа могут служить лексические повторы (12 %), которые представлены повторением как служебных, так и самостоятельных частей речи, при этом наиболее распространены двукратные бессоюзные повторения наречных форм, например: Ей казалось, что именины были уже давно-давно, не вчера, а как будто год назад... Функционирование лексических повторов в структуре чеховского повествования связано с созданием комплекса субъектно-экспрессивных значений – интенсивности, непрерывности, монотонности и др.

Восклицательные (9 %) и вопросительные (6 %) предложения являются субъектно-экспрессивными формами выражения внутреннего мира персонажа, с помощью которых передается его точка зрения, отражается эмоциональная реакция на то или иное событие, например: Княгиня остановилась и прислушалась к пению; как хорошо это пение звучало в неподвижном, темном воздухе!; И он жалел: зачем он фельдшер, а не простой мужик?

Синтаксическим средством ввода НПР в анализируемом материале также выступает инверсия (5 %). Изменение нейтрального словоупотребления представлено выносом в открывающую позицию формы род. п. в составе количественного сочетания, что выражает значение приблизительности, тем самым характеризуя происходящее непосредственно с позиции персонажа, ограниченного в объеме своих знаний, а не «всеведущего автора»,

например: Прошло так часа два, лошадь замучилась, сам он озяб, и уж ему казалось, что он едет не домой, а назад в Репино...

Маркировать появление «голоса» персонажа в чеховском повествовании могут такие средства трансформации модальности, как сослагательное и условное наклонение (по 5 %), а также обобщенно-личные (4 %) и неопределенно-личные (1 %) предложения. Они позволяют «переключить» повествование в план персонифицированного восприятия персонажа, отражая ход его мыслительных процессов, например: Если бы она могла предположить, когда выходила, что это так тяжело, жутко и безобразно, то она ни за какие блага в свете не согласилась бы венчаться. Но теперь беды не поправишь.

Таким образом, полученные результаты анализа средств ввода НПР в прозе А.П. Чехова позволяют отметить, что в рассказах 1888–1894 гг. речевой план персонажа в структуре авторского повествования формируется единицами разных языковых уровней, при этом наблюдается значительное преобладание нелексических средств. На морфологическом уровне релевантными оказываются прежде всего глагольные формы, семантика которых связана с речевой, психической и интеллектуальной деятельностью; на синтаксическом уровне – средства создания и выражения субъективно-модальных значений.

Список литературы

1. Еремина Л.И. Структура художественного текста: позиция автора, повествователя и персонажа в художественном тексте (на материале рассказов А.П. Чехова) // Структура лингвистической и ее основные категории. Пермь, 1983. С. 109–114.
2. Капустин Н.В. «Чужое слово» в прозе А.П. Чехова: жанровые трансформации: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Иваново, 2003.
3. Ковутнова И.И. Проблема несобственно-прямой речи в трудах В.В. Виноградова (Из истории отечественной научной мысли) // Вопросы языкознания. 2002. № 1. С. 65–71.
4. Кожевникова Н.А. Стиль Чехова. М.: Азбуковник, 2011.
5. Прохватилова О.А. Возможности интерпретации художественного текста интонационно-звуковыми средствами: дис. ... канд. филол. наук. М., 1991.
6. Сысоева В.В. Нарративный потенциал несобственно-прямой речи в художественном тексте: дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 2004.

Мыскин С. В.

ОБОСНОВАНИЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЪЕКТА ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

кандидат психологических наук, доцент, Институт языкознания РАН, город Москва

JUSTIFICATION OF THE PROBLEM OF OBJECT PSYCHOLINGUISTIC RESEARCH

Myskin Sergey Vladimirovich, candidate of psychological sciences, docent, The Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow

АННОТАЦИЯ

В статье обосновывается проблема объекта психолингвистического исследования. Автор описывает и сопоставляет особенности лингвистического и психолингвистического подходов к исследованию языка. На примере психосемантического эксперимента приводится процедура анализа содержания речевых сообщений в психолингвистическом исследовании.

ABSTRACT

The article explains the problem of object psycholinguistic research. The author describes and compares the features of the linguistic and psycholinguistic approaches to language study. For example, psychosemantic experiment provides a procedure of analysis of the content of voice messages in psycholinguistic research.

Ключевые слова: носитель языка; психолингвистика; языковое сознание; речевое сообщение; содержание языковой единицы; психосемантический эксперимент.

Keywords: native language; psycholinguistics; language awareness; a voice message; the content of the language unit; psychosemantic experiment.

При исследовании языка в лингвистике сложилось два подхода к анализу содержания языковых единиц. В рамках первого подхода в качестве объекта восприятия лингвисту дана речь в устной и письменной форме. Речь функционирует как устройство, формируемое одним коммуникантом в процессе общения и предлагаемое другому коммуниканту для восприятия с целью побудить его, ориентируясь на грамматические показатели речи, создать некоторое содержание. Лингвист, анализируя речь в научном исследовании *post hoc*, ставит себя на место слушающего и порождает содержание воспринимаемой речи, которая хранится в его ситуативной (эпизодической) памяти. При этом лингвист-ученый уподобляет себя профанному носителю языка и результаты своего анализа проецирует/приписывает на этого профанного носителя языка в явной или скрытой форме.

Допущение о том, что лингвист анализирует собственное представление о содержании исследуемой речи считается общепринятым и редко обсуждается специально. Развернутый анализ проблемы см. [3, с. 36-39].

Исключение составляет лингвистическая парадигма Н. Хомского [5], где «идеальный носитель языка» – это профанный носитель языка, характеристики которого задаются понятием «идеальный»: он не знает усталости в процессе общения,

он ничего не забывает и т. п. Профанный носитель языка – это говорящий/слушающий, речь которого дана лингвисту в качестве объекта исследования.

На такое абстрагирование от качеств реальных коммуникантов, речь которых изучается, Н. Хомский как исследователь имеет право. Но такая абстракция в доктрине Н. Хомского лишена эвристической ценности, так как он отождествляет себя с «идеальным носителем языка», качествами которого Н. Хомский как носитель анализируемой речи не обладает. Более того, как обученный исследователь он обладает многими уникальными качествами, которых лишен профанный и «идеальный» носитель языка. Таким образом, в явной форме Н. Хомский занимается проблемой объекта лингвистического описания, в теоретическом анализе которого есть понятие и «идеальный носитель языка», обозначающее некоторую абстракцию и являющуюся главным критерием истинности формируемых исследователем постулатов [там же]. Аналогичную операцию отождествления исследователя и носителя языка осуществляет также и А. Вежбицкая [2].

Н. Хомский и А. Вежбицкая не являются исключением. Так, создатели модели «смысл↔ текст» И.А. Мельчук, Ю.Д. Апресян и А.К. Жол-

ковский используют верификационные процедуры, которые в неявной форме отождествляют исследователя и носителя языка [1, с. 33-162; 4].

Итак, при анализе речи в рамках первого подхода ученый-лингвист сначала отождествляет себя с профанным носителем языка, затем в интроспекции исследует речевую цепь, порождает содержание речевого сообщения и, в завершение, приписывает это содержание профанному носителю языка. Интроспективный анализ речи в лингвистике считается процедурой принятой и легитимизированной научным сообществом.

Второй подход к анализу речи реализуется в психолингвистике и связан с исследованием содержания речевых сообщений, где тестируется языковое сознание профанных носителей языка. Такие исследования лишены субъективности, обусловленной, с одной стороны, сингулярностью ученого-лингвиста как субъекта исследования, и, с другой стороны, обусловленной сингулярностью ученого-лингвиста как объекта этого же исследования.

В психолингвистическом исследовании содержания языковых единиц носитель речи, тестируемый в эксперименте представлен массовидно: желая избежать субъективности, обусловленной сингулярностью отдельного носителя языка, исследователи в качестве носителя языка берут множественный объект, усредняя затем характеристики многих носителей языка, входящих в контингент испытуемых.

При использовании профанного носителя языка в качестве источника знаний о содержании анализируемых языковых единиц исследователь сталкивается с трудностью формулирования результатов анализа. В рамках первого подхода, ученый-лингвист описывает собственное языковое сознание в лингвистических понятиях, принятых научным сообществом. В рамках второго подхода, практикуемого в эксперименте, профанный носи-

тель языка в качестве испытуемого может дать отчет только в тех понятиях, которые ему задаются в экспериментальной процедуре, т.е. испытуемый реагирует в экспериментальной ситуации только в заданной мерности.

Так в психосемантическом эксперименте испытуемый должен приписать качества исследуемой языковой единице, которые (качества) уже даны исследователем – это набор шкал, при помощи которых описывается содержание языковых единиц, а испытуемый должен только высказать свое суждение в форме количественной оценки.

В экспериментальной процедуре психолингвистического исследования используется психологический аппарат для анализа лингвистического материала. Поэтому психолингвистическое исследование процесса формирования и функционирования языкового сознания описывается в психологических понятиях, адаптированных для интерпретации психических (внутренних) процессов, имеющих внешние языковые корреляты в форме речевых высказываний.

Список литературы

1. Апресян Ю.Д. Основания системной лексикографии // Языковая картина мира и системная лексикография. – М.: Языки славянских культур, 2006. – С. 33-162.
2. Вежбицкая А. Сопоставление культур через посредство лексики и грамматики – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 272 с.
3. Глебкин В.В. Смена парадигм в лингвистической семантике от изоляционизма к социокультурным моделям. – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2014. – 368 с.
4. Мельчук И.А. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл↔Текст». – М.: Языки славянских культур, 1999. – 346 с.
5. Хомский Н. Картезианская лингвистика. Пер. с англ./ Предисл. Б.П. Нарумова. – М.: КомКнига, 2005. – 232 с.

Огольцева Е. В.

СИНОНИМИЯ УСТОЙЧИВЫХ СРАВНЕНИЙ В ЕЁ СООТНОШЕНИИ С АНТОНИМИЕЙ И ПОЛИСЕМИЕЙ

доцент, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Московского педагогического государственного университета

SYNONYMY OF STABLE COMPARISONS IN ITS RELATION TO ANTONYMY AND POLYSEMY

Ogol'tseva Yekaterina Vasilievna, doctor of philological Sciences, Professor of the Department of Russian language, Moscow Pedagogical State University

АННОТАЦИЯ

В статье представлен анализ синонимических отношений в системе устойчивых сравнений русского языка. Особое внимание автор уделяет проблеме взаимоотношений синонимии с другими важнейшими проявлениями системного характера компаративной фразеологии – антонимией и многозначностью. Анализируются факторы, способствующие и, наоборот, препятствующие развитию синонимов и антонимов. Рассматриваются также параметры характеристики человека, которые отличаются самыми богатыми и многочисленными синонимическими рядами.

ABSTRACT

The article presents an analysis of synonymous relations in the system of stable comparisons of the Russian language. Emphasis attention is paid to the problem of synonymy relations with other important manifestations of the systemic nature of comparative phraseology – antonyms and polysemy. Factors, contributing and, vice versa, impedimental to development of synonyms and antonyms, are analysed. In addition, the author examines the parameters person's description, which form the richest and polynomial synonymous series.

Ключевые слова: устойчивые сравнения; синонимия; антонимия; многозначность; семантическая структура устойчивого сравнения.

Keywords: comparisons, synonymy; antonymy; polisemy; semantic structure of stable comparison.

Являясь частью фразеологии, устойчивые сравнения (далее УС) представляют собой относительно автономную подсистему, между единицами которой наблюдаются те же типы отношений, что и между словами или фразеологизмами, в том числе отношения семантического тождества, или синонимии. Важно отметить, что степень близости значений УС-синонимов может быть разной. В одних случаях наблюдается практически полное тождество значений (как на вешалке, как на шесте, как на палке, как на жерди, как на колу, как на манекене – ‘Висеть, сидеть, болтаться. Быть чрезмерно свободным, обвисать. Об одежде на человеке’ [1, с. 92]), в других – их близость (ср. синонимический ряд как мокрая курица, как варёный, как мёртвый, объединяющий компаративные единицы по общему признаку «вялый» – о человеке). Оттенки значений, которыми во втором случае различаются сравнения, связаны прежде всего с различием образов. Сравнение как мокрая курица – характеристика удручённого, подавленного, безынициативно-беспомощного человека. УС как варёный рисует образ человека медлительного, нерасторопного. Как мёртвый, как неживой – это человек, медлительность которого проявляется в работе, в действии или движении. Как сонная муха – образная характеристика человека, слабо реагирующего на окружающее, чаще всего под влиянием переживаний или глубоких раздумий. [1, с. 85; 308; 350; 398; 637]

Критериями синонимичности устойчивых сравнений являются: 1) совпадение в выражаемом понятии, например, УС как в раю, как на курорте, как у Христа за пазухой функционируют в речи для выражения образного представления о свободной, вольготной, праздной жизни, в полном до-

вольстве и обеспеченности [1, с.309]; 2) совпадение в предметной отнесенности (то есть соотносённость УС-синонимов с одним и тем же признаком при различии его индивидуальных проявлений); 3) совпадение валентности, или тождество сочетаемости с одним и тем же объектом образной характеристики (элементом А компаративной конструкции); например, УС-синонимы мягкий /как подушка и как перина чаще всего характеризуют части тела человека – грудь или живот, а УС другого синонимического ряда – мягкий, нежный / как шёлк, как лён, как пух – волосы.

Общеизвестно, что полисемичные фразеологизмы (так же как и слова-полисеманты) часто входят в тот или иной синонимический ряд только одной своей семемой. С другой стороны, УС-моносеманты могут вступать в синонимические отношения как друг с другом, так и с отдельными значениями многозначных сравнений. Интересно проследить специфику синонимии в системе устойчивых компаративных единиц языка и выявить зависимость синонимических и антонимических связей УС от их многозначности. В рамках настоящей статьи мы покажем лишь некоторые аспекты этой большой и сложной проблемы.

В системе русских устойчивых сравнений около 40% единиц имеют лишь одно значение. Синонимические и антонимические связи также проявляются весьма избирательно. Так, многие УС не располагают ни синонимами, ни антонимами: как барабан, как барс, как на врага, как войлок, как у гуся, как заслон, как колобок, как мышка, как у осы, как на парад, как плывет, как солдат на вошь, как на сцене и т.д. По нашим наблюдениям, основными факторами, определяющими наличие или отсутствие антонимов и синонимов, являются: а) структура УС, а именно степень осложнённости

модели, по которой построена устойчивая компаративная единица (чем проще модель, тем благоприятнее условия для системных связей с другими единицами); б) степень распространённости и продуктивности модели; в) характер объекта приложения сравнения; так, синонимы отсутствуют у многих сравнений, характеризующих неодушевлённые предметы либо части тела, обычно не доступные наблюдению, к примеру, живот (как барабан) или зубы (как у лошади, как у хорька); г) характер признака-основания сравнения (к примеру, не имеют синонимов УС, которые передают сложный комплекс качеств, разноаспектных характеристик: как родной; как у старика (старухи) и т.п.).

Синонимические отношения УС тесно связаны с антонимическими. Синонимия сопряжена с близостью компаративных значений, что, в свою очередь, определяется близостью понятий, выражаемых компонентом С (основанием компаративной конструкции): голубые как василёк, как небо (о глазах); белые как жемчуг, как сахар, как снег (о зубах); худой, тощий как вобла, как глист(а), как мумия, как палка, как скелет, как спичка, как хвощ, как щепка; Антонимия, наоборот, детерминируется противоположностью понятий: как спичка (тонкий, худой) – как бочка (толстый), как амур (красивый) – как смертный грех (некрасивый), как кобыла (здоровая, сильная) – как былинка (тонкая, слабая).

УС-моносеманты в аспекте проявления у них синонимии и антонимии можно разделить на три группы:

1. Устойчивые сравнения, имеющие только синонимы (при отсутствии антонимов). Например, УС как агат как агат ‘чёрный, чёрный с блеском. Преим. о глазах человека’ [1, с. 28] имеет синонимы чёрный как антрацит, как смоль, как уголь, но не имеет антонимов.
2. Устойчивые сравнения, имеющие только антонимы, но не вступающие в синонимические связи. Такие случаи довольно редки. В качестве примера приведём сравнения как рубильник и как руль (о прямом, длинном, большом носе человека), имеющее антонимы как кнопка и как пуговица (пуговка) (об округлом, коротком, маленьком носе): Его маленькие жёлтые глазки так и бегали, с тонких губ не сходила сдержанная, напряжённая улыбка, а нос, острый и длинный, нахально выдвигался вперёд, как руль (И.С. Тургенев. Певцы); Но таким полным довольством сияло толстое, красное лицо его, так

забавно вздергивался маленький, как пуговица, нос, так насмешливо передвигались губы, едва закрытые редкими волосами, что невольно исчезало неприятное впечатление, производимое зрачками. (Д.В. Григорович. Переселенцы); Лоб огромный, а нос маленький, как кнопка. (В.И. Мухина. Воспоминания Веры Мухиной) [guscopora.ru].

3. Устойчивые сравнения, имеющие и синонимы, и антонимы. Например, УС как под венец (к венцу) ‘Одеваться, наряжаться – красиво, богато, с особой тщательностью’ [1, с. 87] имеет синонимы как на бал, как на свадьбу как жених, как невеста, как куколка и антонимы как петух, как индейский петух, как попугай, как пугало <огородное>, как чучело <огородное>, как шут <гороховый>. Подобные синонимические и антонимические ряды образуют своеобразные «антонимо-синонимические блоки» [3]. Самыми богатыми системными связями характеризуются УС, образно определяющие цвет лица, телосложение человека (прежде всего его полноту и худобу), а также одежду, манеру одеваться.

Синонимия в системе однозначных УС – чрезвычайно развитый тип системных связей. При этом многократной «образной проработки» требуют, как правило, наиболее коммуникативно значимые признаки внешности.

УС-полисеманты в целом более склонны к проявлению системных связей, чем однозначные сравнения. Это выражается, в частности, в том, что среди них относительно мало компаративных единиц, которые ни в одном из своих значений не вступают ни в антонимические, ни в синонимические отношения (как девочка, как институтка, как кот, как лебедь, как обрубок).

В системе УС-полисемантов можно выделить два типа: 1. Сравнения, в семантике которых имеют место значения, относящиеся к разным идеографическим полям; 2. Сравнения, в семантике которых все значения относятся к одному полю. Например, оба значения устойчивого сравнения как у коршуна принадлежат к полю «Внешность человека»: 1. ‘Зоркие, хищные, дерзкие. О глазах человека; 2. ‘Горбатый, острый, загнутый книзу. О носе человека’. [1, с. 279] В плане проявления системных отношений двух типов (синонимии и антонимии) в системе УС-полисемантов могут быть выделены те же три группы, которые мы наблюдали в системе однозначных сравнений.

В плане лингвокультурологического и когнитивного анализа представляют особый интерес

те сравнения-полисеманты, у которых каждое значение имеет синонимические связи: как аист, как варёный, как индюк, как у кота, как у коршуна, как налитой, словно окостенел, как у орла, как петух, как рак, как роза, как чертёнок, как шар, как у ястреба. К примеру, сравнение как чертёнок в первом значении ('Грязный, чёрный, чумазный. О ребёнке') имеет синоним как поросёнок, а во втором ('Носиться, скакать, бегать. О детях') – синоним как бесёнок и т.п.

В числе наиболее активно вступающих в синонимические связи можно отметить значения, характеризующие 1) телосложение человека (рост, степень стройности и проч.): как аист / как журавль / как цапля; как девушка / как тополь; как шар / как пузырь; 2) цвет глаз, лица, волос, рук и тела в целом: как антрацит / как смоль / как уголь (о глазах); как лимон / как померанец (о бледно-жёлтом, болезненном, нездоровом цвете лица); как золото / как огонь (о рыжих волосах); 3) образные характеристики «динамики лица»: взгляда (смотреть/ как бык / как сыч / как филин; как рублём подарила / как огнём обожгла), выражения лица (сиять/ как масляный блин / как новый гривенник / как именинник / как новый пятак; быть мрачным/ как туча / как бирюк / как ворон / как демон / как ночь); 4) характеристики «динамики тела»: походки (ходить, шагать/ как аист / как верблюд / как журавль / как цапля), степени подвижности (выглядеть/ как мокрая курица / как мёртвый, как сонная муха / как неживой / как сонный), характера движения (бегать, ходить/ как лошадь / как слон).

УС-полисеманты, в семантической структуре которых есть только антонимы, столь же редки, как и в системе однозначных УС. Например, как влитой (влитый) в первом значении ('Сидеть на коне (в седле) – непринуждённо, ловко, грациозно') имеет антоним как собака на заборе, а во втором ('Сидеть на ком-л. Быть впору, точно по размеру. Об одежде') характеризуется целым рядом антонимов: как на манекене, как с чужого плеча, как на пугале, как на корове седло и проч. [1, с. 95]. Таким образом, УС-полисеманты подтверждают закономерность: антонимия редко встречается как единственный вид системных отношений – она обычно проявляется параллельно с синонимией.

Синонимами обычно располагают те устойчивые компаративные единицы, которые характеризуют человека, причём по таким признакам, которые могут проявляться с разной степенью интенсивности: цвет, размер, форма той или иной части тела человека, скорость его движения и проч.

Факты синонимии и антонимии подтверждают возможность градации по шкале интенсивности.

Так же, как и слова и фразеологизмы, УС-синонимы характеризуются взаимозаменяемостью в сходных контекстуальных условиях. Например, признак «упасть, повалиться (о человеке)» в русском языке может быть выражен несколькими УС, которые находятся в отношениях свободного варьирования: С нами была его знакомая дама. Она, отрывисто вскрикнув, повалилась, как сноп. Пришлось на руках сносить её вниз и приводить в чувство, а затем провозжать в Москву до квартиры. (Н. А. Мельников. 19 лет на земской службе / «Звезда», 2002 // www.ruscorgo.ru) Сравнение как сноп без всякого ущерба для смысла фразы может быть заменено синонимами как подкошенный(-ая) или как подрубленный (-ая). Ср. употребление последних двух сравнений в сходных речевых ситуациях: В чрезвычайном возбуждении, поднялся на палубу совершенно пьяный астроном Людовик Делиль де-ла-Кройер, и тотчас же, как подкошенный, грохнулся на палубу мёртвым. (Б. Г. Островский. Великая Северная экспедиция); В то же мгновение Мамедов, который был на голову ниже Ивана, молниеносно завел свою ногу за ноги Ивана и одновременно ударил его в грудь так, что тот упал как подрубленный. (Ю. Трифонов. Утоление жажды) // www.ruscorgo.ru

Вместе с тем, выражая одно и то же понятие, компаративные синонимы различаются оттенками значения и нюансами употребления. Так, при употреблении УС как сноп актуализируется сема «грузно, инертно, тяжело», а при употреблении сравнений как подкошенный или как подрубленный – признак внезапности. Устойчивое сравнение как тополь обычно употребляется при описании высокого и статного человека (как женщины, так и мужчины), а его синоним как девушка чаще характеризует тоненькую, стройную женщину зрелого возраста, УС как юноша характеризует не просто стройного человека, но и подвижного, легко двигающегося, причём уже немолодого: – Помню, когда был молодым актёром, полюбила меня одна за мою игру... Изящна, стройна, как тополь, молода, невинна... (А.П. Чехов. Калхас); Каждое утро входила к Голицыну неслышно, босыми ногами, свежая и стройная как тополь, Катруся, приносила студёной воды из криницы... (Д.С. Мережковский. Александр I); В кресле разместились графиня Юлия Павловна – в тёмном блестящем платье, тонкая, как девушка, красивая <...> (А.А. Кузнецова. Под бурями судьбы жестокой); Последние пару лет он начал полнеть, а благодаря аскезе сбросил всё лишнее и теперь был строен, как

юноша. (А. Ткачёва. Приворот) // www.ruscorgora.ru

Таким образом, в аспекте проявления синонимии и антонимии среди УС-моносемантов (и среди значений УС-полисемантов) можно выделить а) единицы, не вступающие в эти отношения; б) единицы, проявляющие только один из двух видов системных отношений; в) единицы, проявляющие оба вида отношений. Антонимические отношения в системе устойчивых сравнений проявляются гораздо беднее, чем синонимические.

Многочисленные сравнения характеризуются большим богатством и разнообразием системных связей. Однако само проявление синонимических и антонимических отношений в сфере моносемантов и полисемантов подчиняется одним и тем же закономерностям. У тех и других примерно одинаково количество значений, не вступающих ни в синонимические, ни в антонимические связи; приблизительно равным оказывается и число значений, располагающих обоими видами связей.

Устойчивые сравнения, вокруг которых формируются антонимо-синонимические блоки – это всегда сигнал коммуникативной востребованности соответствующего признака, необходимости его глубокой и дифференцированной «образной проработки».

Список литературы

1. Огольцев В.М. Словарь устойчивых сравнений русского языка (синонимо-антонимический) / В.М.Огольцев. М.: ООО «Русский словарь»: «ООО Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2001. 800 с.
2. Национальный корпус русского языка // www.ruscorgora.ru
3. Федосов Ю.С. Семантическая структура антонимо-синонимического блока и её описание / Ю.С. Федосов // Семасиологические аспекты значения: Сборник научных трудов. Волгоград: Перемена, 1997. С. 125–134.

Павлова Н.П.

КОГНИТИВНЫЙ ОПЫТ И ОСВОЕНИЕ ПИСЬМА РЕБЕНКОМ

к.ф.н., доцент ЧГУ, г. Череповец

COGNITIVE EXPERIENCE AND MASTERY OF LETTERS BY CHILD

N. P. Pavlova, candidate of Science, associate professor, Cherepovets State University, Cherepovets

АННОТАЦИЯ

Чтение и письмо автор рассматривает как естественные продукты непрерывно растущей языковой компетенции ребенка. Освоение этих новых видов деятельности возможно при формировании определенных когнитивных предпосылок.

ABSTRACT

The author considers reading and spelling as natural products of continuously growing linguistic competence of the child. The development of these new type of activity is possible in the formation of certain cognitive prerequisites.

Ключевые слова: письмо, символическая репрезентация, кодирование, логическое мышление, память
Key words: spelling, symbolic representation, coding, logical thinking, memory

Письмо представляет собой вид кода, позволяющий переводить акустический речевой сигнал в оптический. Обязательным свойством любого кода является его условность: код создается в результате договора, и его можно произвольно изменять. Правила фиксации речи, т.е. правила письма, пользуясь которыми можно перевести звуковой текст (произведение речи) в письменный (произведение речи, зафиксированное на письме) длительное время остаются для ребенка невостребован-

ным. В последние годы ведутся серьезные наблюдения над усвоением ребенком системы правил русской письменной речи. Основная цель этих исследований - выяснение основных закономерностей того, как ребенок усваивает систему письменной речи, ее инвентарь и правила, как зависит этот процесс от психофизиологических особенностей ребенка, от механизмов нарушения этих процессов. Цель данной публикации состоит в том, чтобы проследить, какие изменения происходят в интел-

лектуальной сфере ребенка, как свершается переход ребенка к наиболее сложной осознанной форме речевой деятельности – письменной речи.

По мере развития ребенка его умственные процессы претерпевают определенные изменения. Так, если в период раннего детства (возраст до 4 лет), дети находятся на допонятийной стадии развития мышления, то в возрасте после 5 лет переходят к интуитивному мышлению [4, с.78]. В это время на первый план выходят использование символов, символическая игра и язык. На этой стадии дети начинают понимать множественность точек зрения и усваивать относительные понятия, хотя и не отличаются в этом последовательностью и систематичностью. При этом, как только дети начинают пользоваться символами, их мыслительные процессы усложняются. Дети демонстрируют понимание сходства между двумя объектами. «Символическая игра (способность к символической репрезентации) облегчает понимание того, что объект может менять свой вид или свою форму, оставаясь при этом тем же самым объектом» [2, с.367]. В то же время мышление на интуитивной стадии еще ограничено. Даже после того, как ребенок стал широко использовать символическую репрезентацию, ему предстоит еще долгий путь, прежде чем он научится логически мыслить. Его мыслительные процессы ограничены важными особенностями дооперационного мышления: мышление дошкольников конкретно. В дооперационный период дети не способны иметь дело с абстракциями. Их ум занят лишь тем, что происходит «здесь и сейчас»; мышление маленьких детей необратимо, т.е. развитие связей и событий идет лишь в одном направлении, дети не способны представить себе, что какой-то объект может вернуться в свое первоначальное состояние или что связи между объектами могут быть двусторонними; мышление детей эгоцентрично – ограничено рамками перспективы ребенка, и поэтому он не способен принять во внимание точку зрения другого человека, дети сосредоточены на своих перцептивных образах и полагают, что все остальные видят мир так же, как они; мышление детей имеет в этот период тенденцию центрироваться на каком-то одном физическом свойстве или измерении объекта или ситуации, дошкольники не могут удерживать в уме одновременно несколько аспектов ситуации; в дооперационный период дети фокусируют внимание на текущих состояниях, а не на процессах изменения и превращения.

Однако уже на этом этапе дети приобретают способность классифицировать, объединять соче-

тающиеся события или объекты. Но одно основание классификации может блокировать другое. В это время развивается способность к узнаванию, т.е. способность правильно идентифицировать ранее воспринятые объекты, когда они появляются снова, и способность к воспроизведению, т.е. способность восстанавливать в памяти информацию об объектах, которые в данный момент отсутствуют. Оно требует извлечения из долговременной памяти информации об объекте, когда того нет перед глазами. Обе эти формы памяти (оперативная и долговременная) развиваются постепенно от 2 до 5 лет. У дошкольников уже хорошо развиты навыки узнавания, необходимые для кодирования и удержания в памяти большого объема информации.

Между 5 и 7 годами многие когнитивные, речевые и перцептивно-моторные навыки становятся совершенными и взаимосвязанными, что значительно облегчает некоторые виды научения и повышает их эффективность. В это время многие дети получают удовольствие от игр со словами, при этом иногда основная функция речи – передача наполненных смыслом сообщений – отходит на второй план. Детей интересуют сама речь: они играют со звуками, формами и смысловыми оттенками. Порой они придумывают правила, весьма замысловатые и причудливые, и строго следуют им в своей языковой игре (например, прибавление определенного слога ко всем другим слогам того или иного слова, своеобразная шифровка речи).

Согласно теории Ж.Пиаже [4], возраст между 5 и 7 годами – это возраст перехода от дооперационного мышления к мышлению на уровне конкретных операций. Мышление становится менее интуитивным и эгоцентричным, постепенно превращаясь в логическое. Мышление приобретает гибкость, обратимость, многомерность. Дети способны устанавливать причинно-следственные связи. Используют приемы логического мышления (умозаключения), заключения, получаемые косвенным, логическим путем, а не в ходе непосредственного наблюдения.

В период среднего детства наблюдается значительное развитие двух важных процессов – памяти и метапознания. Под метапознанием [2, с.462] понимают сложные интеллектуальные процессы, позволяющие детям осуществлять текущий контроль за своим мышлением, памятью, знаниями, целями и действиями. У детей в период среднего детства развивается и метакогнитивная способность, которой они пользуются при планировании своих действий, принятии решений и выборе эффективных стратегий памяти и решения задач.

Поскольку дети используют навыки самоконтроля при речевом общении, чтении, письме и другой умственной деятельности, метапознание играет крайне важную роль в когнитивном развитии.

До 5 лет детям трудно пользоваться даже такими простыми приемами запоминания как повторение про себя. С 5 до 7 лет большинство детей начинают осознанно ставить себе задачу запоминать определенный материал. Ребенок смотрит на запоминаемый материал, начинает повторять его про себя до появления субъективной уверенности в том, что он его запомнил. Позднее дети уже могут группировать материал по категориям, а еще через некоторое время – даже создавать зрительные умственные образы, помогающие лучшему запоминанию. Основными приемами управления памятью, по мнению психологов, на данном этапе являются следующие:

1. Повторение каждого запоминаемого слова «про себя» неоднократно.
2. Организация. Важным достижением в области стратегии запоминания является приобретаемое умение организовывать запоминаемый материал. До 3 класса дети обычно связывают слова посредством простых ассоциаций. Затем объединяют в тематические группы.
3. Семантическая обработка. Используют логические выводы для реконструкции события вместо простого воспроизведения ситуации.
4. Создание умственных образов. Детей можно научить запоминать необычный материал, создавая на основе его умственный образ.
5. Поиск информации в памяти. Часто дети, пытаясь разобрать слово по буквам, ищут в памяти правильные буквы. Они могут знать, с какой буквы начинается слово, но иногда им нужно проверить несколько возможностей. Дети старшего возраста лучше владеют подобными стратегиями поиска информации в памяти.
6. Создание сценариев. Для сохранения регулярно повторяющихся событий память можно организовать в виде набора сценариев. Событие, которое происходит регулярно, нет необходимости каждый раз сохранять отдельно в памяти. Его можно сохранить в виде стандартной последовательности постоянных событий вместе со «сло-тами» - ячейками для изменяемых элементов.

Среднее детство – это время, когда дети совершенствуют навыки устной речи. По мере того

как продолжает расширяться словарный запас детей, они овладевают все более сложными грамматическими структурами и более тонким словоупотреблением.

Развитие речи в течение этого периода протекает весьма интенсивно, но оно часто отходит на второй план перед развитием грамотности. Пожалуй, наибольшим достижением языкового развития в период среднего детства является развитие навыков, связанных с чтением и письмом. Подобно тому, как дети выучиваются говорить и понимать устную речь, дети-дошкольники стихийно выучиваются читать и писать. Несмотря на то, что чтение требует освоения фонетики и приобретения навыков декодирования графем, а письмо – совершенствования тонких моторных навыков, необходимых для написания букв, ошибочно было бы сводить суть этих крупных достижений к таким ограниченным компонентам. Ведь чтение – это и восприятие письменного текста, а письмо – передача смысла в письменной форме. Чтение и письмо – это формы символической коммуникации, предполагающей, помимо прочего, наличие внимания, восприятия, памяти, ассоциаций с имеющимися знаниями и конкретного контекста. Именно через посредство символической коммуникации дети учатся осуществлять связь с внешним миром и воздействовать на внутренний мир собственных мыслей и чувств.

Чтение и письмо – естественные продукты непрерывно растущей языковой компетенции ребенка. Понимание взаимосвязи между процессами овладения устной и письменной речью привело к пониманию грамотности с точки зрения целостного подхода к языку. Вместо того чтобы искать тот момент, когда у ребенка развивается готовность к освоению письма и чтения, сторонники подхода к языку как целостности ставят в центр концепцию эмерджентной грамотности. Согласно этой концепции, навыки, связанные с овладением устной и письменной речью, развиваются на протяжении ряда лет, начиная с младенчества и постепенно совершенствуясь в ходе непрерывающегося ни на мгновение процесса. Таким образом, рассказы, которые малыш слушает еще до того, как научится говорить, «письмена», оставляемые карандашом начавшего ходить ребенка в папином блокноте, и «чтение» дошкольником по памяти текста любимой книжки – все это с полным основанием можно отнести к ранним проявлениям таких форм деятельности, как чтение и письмо. Понятие «эмерджентия» (от лат. *emergere* – «появляться, выносить на поверхность») – одно из главных представителей английской философской школы

«эмерджентного эволюционизма» в рамках метафизики. Развитие представлено не только рядами результирующего развития (непрерывного усложнения элементов за счет накапливающихся изменений), но и возникновением совершенно новых рядов «восходящего развития, внезапно выносящего на поверхность новое качество» [2, с. 476].

В отечественной психологии сходные позиции можно отметить у Н.И. Чуприковой, которая предлагает один из возможных подходов к построению теории умственного развития, раскрывая пути его «естественного хода». Автор считает, что основным направлением проявления новообразований в познавательной сфере является движение от общего к частному, от примитивного нерасчлененного или малорасчлененного к целому внутренне дифференцированному, с четко выделенными элементами и уровнями [5].

Развитие навыков чтения и письма в среднем детстве представляется сложным многомерным процессом, возникающим из социокультурного контекста. Современный взгляд на развитие грамотности основывается на теоретических представлениях Л.С. Выготского, утверждавшего, что дети выучиваются читать и писать в релевантной социальной ситуации [1, с.177–200]. Трудность освоения письменной формы речи связана не только с тем, что используются символы второго порядка, но и с тем, что овладение письменной формой речи предполагает высокую степень произвольности акта письма и наличие у ребенка сложно организованной сенсомоторной базы. С точки зрения когнитивного подхода, особую значимость имеют вопросы формирования графико-орфографической системы ребенка, которая является компонентом общей языковой системы. Процесс онтогенетического освоения письменной речи необходимо рассматривать как составная часть общего постижения процесса речи. Данный подход позволяет проследить становления письма детей во взаимосвязи с общим языковым созреванием ребенка. С учетом разницы в когнитивном развитии дети используют и различные стратегии освоения письма. Разработка вопроса об освоении детьми системы русского письма позволяет выявить некоторые общие правила, которыми дети, постигая грамоту, пользуются эмпирически, без специального научения. Наблюдения показали, что на определенном этапе интеллектуальной и психической зрелости в языковом развитии ребенка, видимо, наступает какой-то определенный момент, когда фонетическое письмо становится для него неактуальным, он формулирует для себя свою, новую, систему письма, совершая при этом

немаловажные открытия. А.Н. Леонтьев назвал такое развитие познавательной деятельности ребенка «процессом расширения сферы сознаваемого» [3, с. 276], при этом происходят качественные сдвиги в когнитивном развитии ребенка. Этим же обстоятельством объясняется изменение семантики единиц номинации; смысловое содержание производного слова углубляется, поскольку за ним стоит новый уровень познания. Это позволяет предположить, что уже на самых ранних этапах овладения письменной речью могут стихийно, спонтанно проявиться начала морфологического (морфематического) письма. В сознании ребенка начинают формироваться эмпирически правильно подобранные правила своей орфографической системы. Понимание морфологичности нашей орфографии - новая важная ступень приближения ребенка к письменному языку взрослых носителей языка. Вопрос о механизмах овладения морфологическим принципом правописания до специального обучения является одним из важных в исследовании проблемы овладения ребенком письмом. Наблюдения подтверждают положение мнение Л.С. Выготского том, что на отдельных этапах развития ребенка значения слов изменяются, значение слова развивается. «Всякое значение слова во всяком возрасте представляет собой обобщение. Но значения слов развиваются. В тот момент, когда ребенок впервые усвоил новое слово, связанное с определенным значением, развитие слова не закончилось, а только началось; оно является вначале обобщением самого элементарного типа и только по мере своего развития переходит от обобщения элементарного типа к все высшим типам обобщения, завершая этот процесс образованием подлинных и настоящих понятий» [1, с. 178]. При этом расширение когнитивного содержания и обогащение «продукта» познавательной деятельности приводит к тому, что называют обогащением семантики соответствующей единицы за счет ее расширения, а не просто физического увеличения числа единиц в распоряжении ребенка. В нашем случае важно то, что ребенок, овладевая значением слова, как знаком языка, овладевает и значением составляющих его морфем. Таким образом, вычленение в слове значимых частей – морфем – и установление тождества алломорфов одной морфемы способствует пониманию морфологичности нашей орфографии и, как следствие, нормативному написанию отдельных частей слова.

Литература

1. Выготский Л.С. Собрание сочинений, т. 3. - М.: 1983.

2. Крайг П. Психология развития. – М., СПб.: 1999.
3. Леонтьев А.Н. Психологические вопросы сознательности учения.- М.: 1947.
4. Пиаже Ж. Речь и мышление ребенка. – СПб.: 1997.
5. Чуприкова Н.И. Умственное развитие и обучение: Психологические основы развивающего обучения.- М.: 1995.

Татарина Л. В.

ONTOLOGY VS TECHNOLOGY

кандидат филологических наук, доцент, Евразийский лингвистический институт – филиал Московского государственного лингвистического университета в г. Иркутск

Tatarinova Larisa Viktorovna, Candidate of Science, associate professor of Irkutsk Euro-Asian Linguistic Institute of Moscow State Linguistic University, Irkutsk

АННОТАЦИЯ

В статье предпринята попытка найти интегральную область в сферах понимания онтологии как философского и лингвистического понятия через призму когнитивных технологий. Лингвистическая онтология рассматривается как материально-когнитивный артефакт, как модель бытия в широком смысле; также раскрывается суть понятия «когнитивная технология».

ABSTRACT

The article deals with different understanding of the notion «linguistic ontology» in the context of cognitive technologies. Linguistic ontology is viewed as a material cognitive artifact and as an Existence model in the broad sense. The author offers a new approach to the cognitive technology insight.

Ключевые слова: онтология; язык; технология; когнитивный; репрезентация знаний; концептуализация; предметная область; формальные модели языка.

Keywords: ontology; language; technology; cognitive; knowledge representation; conceptualization; domain vocabulary; language formal models.

Для ответа на вопрос, как связаны лингвистические онтологии с когнитивными технологиями, для начала представляется целесообразным проанализировать определение понятия «онтология», а точнее, «лингвистическая онтология».

В философском понимании онтология – наука о бытии вообще, а лингвистическая онтология – наука о бытии языка, по словам В.П. Даниленко [6]. Очень интересен в связи с этим высказыванием так называемый программный лозунг лингвофилософской концепции известного мыслителя М.Хайдеггера «Язык есть дом бытия» [Приводится по: 4]. Что стоит за этой метафорой?

Если рассматривать бытие как сложную систему познания мира человеком, то язык оказывается включенным в эту систему, в которой тесно взаимодействуют мышление, сознание, память и язык. Эта система локализована в мозгу человека. Её основным назначением является обеспечение процессов восприятия информации извне, переработки этой информации и её сохранения, её передачи другим индивидам. Другими словами, это

информационно-когнитивная система или система познания мира человеком через язык, ибо естественный язык есть форма (опосредованная мышлением) отражения действительности и самого человека, что означает язык есть форма хранения знаний о действительности [13]. «Человек, живущий в мире, не просто снабжен языком как некоей оснасткой – но на языке основано и в нём выражается то, что для человека вообще есть мир <...> подлинное бытие языка в том только и состоит, что в нём выражается мир» [Цит. по: 4, с. 17].

Эта мысль основателя философской герменевтики Х.-Г. Гадамера находит отражение в тезисе о двунаправленности языка, где речь идет о его коммуникативной и когнитивной функциях. Одно направление обеспечивает взаимодействие отправителя вербального сообщения и его получателя. Это коммуникативная функция, составляющая, по мнению многих ученых, сущность языка. Другое направление нацелено на действитель-

ность и на тот мир образов, который выстраивается между действительностью и человеком, выступая как множество знаний, образующих в совокупности картину, или модель, мира. В этом случае принято говорить о когнитивной функции языка [13]. Обе функции неразрывно связаны между собой, что предполагает интеграцию таких процессов или видов умственной деятельности индивида, как получение информации (знания), ее переработка, хранение, передача другому индивиду. Речь идет о способах представления «содержания» человеческого мышления, способах представления того, что мы называем «знаниями» [11, с.214]. Другими словами, мы используем определенные технологии для обработки этого знания.

Обращаясь к определению когнитивной науки, данному Е.С. Кубряковой, мы сможем выяснить, что такое когнитивная технология. Итак, когнитивная наука – это наука «о знании и познании, о результатах восприятия мира и предметно-познавательной деятельности людей, накопленных в виде осмысленных и приведенных в определенную систему данных, которые каким-то образом репрезентированы нашему сознанию и составляют основу ментальных, или когнитивных, процессов» [8, с. 34]. Если учесть одну из трактовок смысла слова «технология»¹, несложно понять, что могут означать «когнитивные технологии» в рамках функционирования языка: умение воспринимать, перерабатывать, хранить, передавать информацию (знания), заключающееся в различных видах умственной деятельности.

Каким же образом связать когнитивные технологии с лингвистическими онтологиями? Ответ на этот вопрос можно получить, если рассматривать лингвистическую онтологию не в традиционном смысле как науку о бытии языка, а как средство обработки естественного языка. Дело в том, что термин «лингвистическая онтология» в последнее время все чаще применяется в информатике и вычислительной технике. «Под ним, как правило, понимается специализированный информационно-поисковый тезаурус для автоматической обработки текстов, то есть разновидность программного обеспечения» [4, с. 15]. Таким образом, в информатике лингвистическая онтология

может рассматриваться как технология. Проанализируем другие определения данной технологии, чтобы лучше понять ее суть.

Лингвистическую онтологию очень часто определяют, как артефакт, структуру, описывающую значения элементов некоторой системы. В общем плане это «система понятий некоторой предметной области, которая представляется как набор сущностей, соединенных различными отношениями» [Цит. по: 15, с.11]. «Неформально онтология представляет собой некоторое описание взгляда на мир применительно к конкретной области интересов. Это описание состоит из терминов и правил использования этих терминов, ограничивающих их значения в рамках конкретной области. На формальном уровне онтология – это система, состоящая из набора понятий и набора утверждений об этих понятиях, на основе которых можно описывать классы, отношения, функции и индивиды» [12]. Аналогичный взгляд на лингвистическую онтологию как ресурс у Н.В. Лукашевич, по мнению которой понятия онтологий в «значительной мере связаны со значениями языковых единиц, терминов предметной области» [Цит. по: 10, с.1]. Лингвистические онтологии могут рассматриваться как особый вид лексической базы данных и особый тип онтологии [10, с.2], представляя иерархию лексических значений естественного языка [14].

Определение онтологии можно выразить математической формулой [5, с. 287], используя понятие концепта (для характеристики элементов множества O)

$$O = \{X, R, F\}$$

где:

X – конечное множество концептов (понятий, терминов) предметной области, которую представляет онтология O ;

R – конечное множество отношений между концептами (понятиями, терминами) заданной предметной области;

F – конечное множество функций интерпретации.

Примечательно, что для всех характеристик элементов множества O присуще определение «конечное» – указание на конкретную область интересов или предметную область. У Кудашева И. последняя – это сложная понятийная система, для описания которой онтология становится важным

¹ Технология [от греч. technē - искусство, мастерство и logos - учение] – 1. Совокупность методов, процессов и средств, используемых при производстве, изготовлении чего-л. Новая, старая т.Компьютерные технологии. Т. изготовления детали. Разработать, внедрить техноло-

гию. Нарушать, соблюдать технологию обработки металла. // обычно мн.: технологии, -ий....(Большой толковый словарь)

форматом во многих сферах (Ontologies have become a significant format for describing complex concept systems in many areas...) [16, с.10].

Среди специалистов, занимающихся проблемами компьютерной лингвистики, наиболее устоявшимся (классическим) считается определение онтологии, данное Томасом Грубером:

Онтология – это эксплицитная спецификация² концептуализации (An ontology is an explicit specification of a conceptualization). [15, с.199]. Также известен ряд расширенных определений Т. Грубера, среди которых можно выделить следующие:

- Онтология – это эксплицитная спецификация концептуализации, где в качестве концептуализации выступает описание множества объектов предметной области и связей между ними.
- Онтология – это знания, формально представленные на базе концептуализации. Формально онтология состоит из терминов, организованных в таксономию, их определений и атрибутов, а также связанных с ними аксиом и правил вывода.
- Онтология – формальная спецификация разделяемой концептуализации, которая имеет место в некотором контексте предметной области.
- Онтология – база знаний, описывающая факты, которые предполагаются всегда истинными в рамках определенного общества на основе общепринятого смысла используемого словаря [Приводится по: 12].

Нетрудно заметить, что автор предлагает рассматривать онтологию через концептуализацию. В «Кратком словаре когнитивных терминов» концептуализация определяется как «один из важнейших процессов познавательной деятельности человека, заключающийся в осмыслении поступающей к нему информации и приводящий к образованию концептов, концептуальных структур и всей концептуальной системы в мозгу (психике) человека» [9, с. 93]. Иными словами, концептуализация есть процесс структуризации знаний [9, с. 93; 7, с. 44], заключающийся в выделении относительно простых концептуальных составляющих (концептов) общего представления об объекте, в

выявлении отношений и взаимосвязей между этими составляющими и в определении степени важности каждой составляющей в формировании представления об объекте.

О данной «структуризации знаний» можно говорить и в отношении онтологий, что и позволило Т. Груберу определить последнюю как формальную спецификацию согласованной концептуализации. (Это определение полностью передает семантику всех вышеперечисленных его определений и является более поздней его модификацией). «Под согласованной концептуализацией подразумевается, что данная концептуализация не есть частное мнение, а является общей для некоторой группы людей» [12].

Концептуализацию можно также рассматривать через понятие «репрезентации», так как концептуализация есть один из основных познавательных процессов, осуществляемых с помощью языка, результатом чего является собственно репрезентация знаний в языке [2, с. 55]. Для обозначения репрезентаций некоторых процессов и явлений в сознании человека С.Ю. Богданова использует термин «концептуальная область», под которой понимается совокупность концептов, объединенных представлением одного фрагмента действительности и которые обеспечивают понимание слов в системе языка [1, с. 80]. Известно, что в мире артефактов к материальным относятся орудия, к когнитивным – орудия мысли. Из этого следует, что концептуальные области или репрезентации являются когнитивным артефактом, соответственно, лингвистические онтологии (если рассматривать их как точную спецификацию концептуализации) можно считать материально-когнитивным артефактом. Это объясняется тем, что, используя технологию моделирования, мы конструируем иерархию лексических значений естественного языка. Иначе говоря, онтологию приравнивают к существующим распространенным моделям представления знаний, поэтому совершенно естественно предположить, что лингвистическая онтология имеет прямое отношение к концептуальной области «инженерии знаний, искусственного интеллекта и соответствующих формальных моделей» [14].

² Спецификация -и; жс. [от лат. species - тип, разновидность и facio - делаю]И. Определение и перечень специфических особенностей чего-л.; уточнённая классификация чего-л. С. материалов экспедиции. С. картин. С.

книг.

2. Технический документ, обычно в виде таблицы с детальным описанием данного изделия, издания и т.п.; документ с перечислением (Большой толковый словарь)

Следовательно, к когнитивным технологиям в лингвистике можно отнести формальные модели языка в узком смысле, и в широком – лингвистические онтологии как формализованное отражение специфики предметной области. Учитывая, что конструирование моделей – не только одно из средств отображения языковых явлений, но и объективный, практический критерий проверки истинности знаний о языке, мы разделяем мнение А.Ю. Филипповича об онтологиях как о полноценных моделях бытия [14] и относим их к материально-когнитивным артефактам.

Список литературы

1. Богданова, С.Ю. Концептуализация и реконцептуализация пространственных отношений (на материале английских фразовых глаголов): дисс. ...доктора филол. наук. 10.02.04. – Иркутск, 2007.
2. Болдырев, Н.Н. Когнитивная лингвистика в России: от частных исследований к общей теории языка [Текст] / Н.Н. Болдырев // Когнитивные исследования языка. Вып. XIV. – М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2013. – С. 52-59.
3. Большой толковый словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gramota.ru/slovari/dic> (дата обращения 20.02.15)
4. Бондаренко, А.В. Лингвистическая онтология от античности до наших дней. Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 10 (148). Филология. Искусствоведение. Вып.30. С. 15-21.
5. Гаврилова, Т.А., Хорошевский, В.Ф. Базы знаний интеллектуальных систем СПб.: Питер, 2000. – 384с.:ил
6. Даниленко, В.П. Введение в языкознание. Курс лекций (с грифом УМО Министерства образования и науки РФ). – Иркутск: ИГЛУ, 2009. – 356 с.
7. Демьянков, В. З. Понятие и концепт в художественной литературе и в научном языке [Текст] / В. З. Демьянков // Вопросы филологии. – 2001. - №1: 7. – С. 35-47.
8. Кубрякова, Е.С. Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика – психология – когнитивная наука // Вопросы языкознания/ 1994. №4. С. 34-47.
9. Е. С., Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина Краткий словарь когнитивных терминов / Под общей редакцией Е. С. Кубряковой.... Пер. с англ., отв. ред. М. А. Кронгауз, вступ. ст. Е. В. Падучевой. – М.: Рвские словари, 1996.
10. Лукашевич, Н.П. Понятия в формальных и лингвистических онтологиях. // Научно-техническая информация. Серия 2. Информационные процессы и системы. – 2011. - № 7. – С. 1-8..
11. Марчук, Ю.Н. Компьютерная лингвистика: учебное пособие / Ю.Н. Марчук. – М.: АСТ: Восток – Запад, 2007. – 317, [3] с.
12. Национальный открытый университет. Онтологии и тезаурусы: модели, инструменты, приложения. Лекция 1. [Электронный ресурс] – режим доступа: <http://www.intuit.ru/departament/expert/ontoth> (дата обращения - 21.02.15).
13. Сусов, И.П. Введение в теоретическое языкознание. Модуль 1 "Язык как объект языкознания" [Электронный ресурс] / Сусов - 2000. – режим доступа: http://homepages.tversu.ru/~ips/1_05.htm (дата обращения – 21.02.15)
14. Филиппович, А. Ю. Тезаурус vs. Онтология [Электронный ресурс] / Персональный блог Филипповича Андрея. 2011. – режим доступа: <http://blogs.it-claim.ru/andrey/> (дата обращения – 25.02.15).
15. Яцко, В.А. Опыт разработки онтологии для автоматического анализа мнений пользователей о коммерческих продуктах // Научно-техническая информация. Серия 2. Информационные процессы и системы. – 2011. - № 7. – С. 9-14.
16. Gruber, T. R. A translation approach to portable ontology specifications [Текст] / T.R. Gruber // Knowledge Acquisition - Special issue: Current issues in knowledge modeling... Volume 5 Issue 2, June 1993. Pages 199 – 220.
17. Kudashev, Igor. Quality Assurance in Terminology Management: Recommendations from the TermFactory Project. [Electronic resource]. / I. Kudashev. - Helsinki: Unigrafia, 2013. 216 p. URL.: http://www.projectglossary.eu/download/QA_in_TM_Kudashev.pdf. (дата обращения 03.03.15).

Ярмашевич М. А.

ТЕНДЕНЦИИ СЕМАНТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ГРАФО-ЛЕКСИЧЕСКИХ АББРЕВИАТУР В РАЗНОСТРУКТУРНЫХ ЯЗЫКАХ

д.филол.н., проф. кафедры иностранных языков и культуры речи ФГБОУ ВПО «Саратовский ГАУ» им. Н.И.Вавилова, г. Саратов.

TENDENCIES OF GRAPHO-LEXICAL ABBREVIATION SEMANTIC DEVELOPMENT IN THE LANGUAGES WITH DIVERSE STRUCTURES

Yarmashevich Marina Arkadjevna, Doctor of philological sciences, professor of the department of foreign languages and culture of speech, FSBOU HPE "Saratov State Agrarian University named after N.I. Vavilov", Saratov.

АННОТАЦИЯ

Семантика аббревиатуры детерминирована грамматическим строем языков не жестко. Синтетический или аналитический характер современных европейских языков оказывает некоторое влияние на аббревиатурные процессы, но не является определяющим. Наличие общих закономерностей в образовании и употреблении аббревиатур в разноструктурных флективных языках позволяет рассматривать аббревиацию как универсальный процесс, детерминированный преимущественно коммуникативно-дискурсивными тенденциями развития общества. В целом современные европейские языки демонстрируют сходство процессов аббревиации в структурном, семантическом и функциональном отношениях. Графо-лексические аббревиатуры имеют лексическое значение и вступают во все типы системных отношений, в ряде случаев в речи они способны к словоизменению по общезыковым правилам.

ABSTRACT

Semantics of abbreviations is not hard determined by grammatical structure of a language. Synthetic or analytical nature of the modern European languages has some effect on the abbreviated processes, but it is not determinative. The presence of general laws in abbreviation formation and use in the inflectional languages with diverse structures can be considered as universal process of abbreviation, determined mainly by communicative and discursive trends of society. In general, the modern European languages show similarities in regard of abbreviation structural, semantic and functional processes. Graph-lexical shortenings have the lexical meaning and enter into all types of systemic relations, in some cases; they are capable to function in oral speech according to the general linguistic rules.

Ключевые слова: аббревиация, семантика, разноструктурные языки, сокращение.

Keywords: abbreviation, semantics, languages with diverse structures, shortening.

Графо-лексические сокращения являются знаками переходного типа, то есть конвенциональными знаками, вбирающими в себя все характеристики языковых и обнаруживающими тенденции перехода в полнозначное слово, который может быть осуществим только в случае вступления ГЛС в формально-структурные, мотивационные, парадигматические, деривационные, семантические, дискурсивные и др. связи и отношения, а также при соответствии их фонетической структуры фонетическим и орфоэпическим нормам языка, возникающим в результате приспособления к фонетическим критериям произношения обычного слова (объединение слогов в единый звуковой комплекс, наличие единого ударения и др.). Несмотря на то, что в целом структурно-семантические характеристики языков влияют на специфику образования, выделения типов и подтипов и употребление

графо-лексических аббревиатур, то есть на их регулярность и продуктивность, сами структурно-семантические и функциональные характеристики ГЛС в значительной мере зависят от коммуникативно-дискурсивных тенденций развития европейского социума.

Графо-лексические сокращения находят почти полное соответствие в английском, французском, русском и немецком языках, различаясь регулярностью и продуктивностью выделяемых структурных подтипов и групп. Двойственная, сложная и противоречивая природа ГЛС, отраженная в самом термине, выражается в том, что данные единицы занимают пограничное положение между лексической и графической системами и не принадлежат в полной мере ни той, ни другой системе. Стремление сочетать в ГЛС лаконичность

выражения с высокой информационной насыщенностью ведет к сложности их построения, многообразию возможных вариантов и, как следствие, к затруднению их восприятия. Для того, чтобы быть понятными, подобные единицы должны даваться либо с расшифровкой, либо в соответствующем контексте. Правильному пониманию аббревиатуры способствует наличие в сознании коммуникантов общей пресуппозиции, знание фрейма или скрипта событий, то есть предварительных, фоновых знаний о нем, часто создаваемых частотностью употребления. В отдельных случаях значение новых, актуальных аббревиатур раскрывается содержанием всего текста. В целом восприятие любой аббревиатуры, относящейся к одному из выделяемых структурно-семантических аббревиатурных типов, зависит от степени корреляции с прототипом, от ее структуры, частоты употребления, наличия/отсутствия контекста, принадлежности к определенному выделенному типу, фоновых знаний и ряда других параметров. При этом влияние морфологического типа языка не является определяющим.

Графо-лексические аббревиатуры могут заимствоваться из других языков, главным образом, из английского, в котором заимствование ГЛС не распространено. При заимствовании ГЛС часто претерпевают лексикализацию, появляясь в другом языке в форме полнозначного слова, имеющего чаще всего видоизмененную семантику. Как алфаветизмы, так и акронимы всех языков имеют лексическое значение и вступают во все типы системных отношений, в ряде случаев в речи они способны к словоизменению по общеязыковым правилам. В русском языке как алфаветизмы, так и акронимы легко сочетаются с деривационными суффиксами, в английском это характерно, главным образом, для акронимов. Для алфаветизмов стремление к звуковому чтению свойственно при сохранении существенных отличий от обычной для языка фонетической структуры полного слова. Вступлению графо-лексических сокращений в языковую систему способствует их звуковая реализация (образование единого звукового комплекса), включение в мотивационные, синтагматические, парадигматические отношения, отаббревиатурная словообразовательная способность и активная дискурсивная реализация.

Графо-лексические аббревиатуры в современных европейских языках формируют ряд макрополей. Самыми обширным является М-поле собирательности, единицы которого называют различные организации, объединения, союзы или ас-

социации. Данный слой лексики европейских языков пополняется в основном за счет следующих групп:

1. Названия объединений по различным корпоративным и общественным интересам, ср.: ВОЗ < Всемирная организация здравоохранения, МОЖ < Международная организация журналистов, НАП < Национальная ассоциация полиграфистов (рус. яз.); NUS < National Union of Seamen 'Национальный союз моряков', NUR < National Union of Railwaymen 'Национальный союз железнодорожников', NUPE < National Union of Public Employees 'Национальный союз служащих в общественной сфере', NAS < National Association of Schoolmasters 'Национальная ассоциация педагогов', NALGO < National and Local Government Officers' Association 'Национальная и региональная ассоциация правительственных служащих' (англ. яз.).

В данной ЛСГ графо-лексических аббревиатур русского языка большое место занимают единицы, называющие различные объединения в сфере науки, образования и искусства, ср.: МА-ПРЯЛ < Международная ассоциация преподавателей русского языка и литературы, ФО < Философское общество, СНО < Студенческое научное общество, БРИЗ < Бюро по рационализации и изобретательству, ВТО < Всесоюзное театральное общество. В то же время во французском и немецком языках данная подгруппа не была выделена.

2. Названия партий и движений, ср.: ФНО < Фронт национального освобождения, ЛДПР < Либерально-демократическая партия России (рус. яз.); EDU < Europäische Demokratische Union, CVJM < Christlicher Verein Junger Männer (нем. яз.). Вместе с тем английский язык и не проявляет ярко выраженной тенденции к образованию ГЛС для названий партий, созданные единицы – малочисленны. Тем не менее, в данной ЛСГ нашли отражение названия объединений по принципу партийной принадлежности: ВСП < British Communist Party, CPSU. Во французском языке данная группа не была выделена.
3. Названия коллективных органов управления в различных организациях, ср.: ЦИК < Центральный исполнительный комитет, РОК < Российская организационная комиссия, ВАК < высшая аттестационная комиссия, КРОСС < Комитет работников по организации социалистического соревнования (рус.

яз.); FFA < Federal Aviation Administration ‘Федеральное авиационное управление’, HMSO < His (Her) Majesty’s Stationary Office Управление по изданию официальных документов, COSPAR < Committee on Space Research ‘Комитет по исследованию космического пространства’, ACDA < Arms Control and Disarmament Agency ‘Управление по контролю над вооружениями и разоружению’ (англ. яз.); CSCP < Chambre syndicale des commissaires-priseurs (фр. яз.); IGH < Internationaler Gerichtshof, LVA < Landesversicherungsamt (нем. яз.).

4. Названия воинских и специальных подразделений, ср.: ЧОН < часть особого назначения, ОМОН < отряд милиции особого назначения, ДА < добровольческая армия (рус. яз.).

В рассматриваемых языках незначительна доля графо-лексических аббревиатур, составляющих М-поле отвлеченности (названий отвлеченного понятия). Вследствие различий концептуальных сфер говорящих, наполненность данного макрополя будет по языкам различной. ГЛС, входящие в структуру макрополя, формируют ряд подгрупп:

1. ЛСГ со значением ‘абстрагированное, опредмеченное действие’, ср.: НЭП < новая экономическая политика, БИП < боевая и политическая подготовка, АСА < антисоветская агитация, ВАД < восхваление американской демократии ‘формулировка судебного обвинения 1947–50 гг.’, МОТ < международная организация труда, СОИ < стратегическая оборонная инициатива (рус. яз.); MEDLARS < Medical Literature Analysis and Retrieval System ‘система анализа и поиска медицинской литературы’, MAD < Mutually Assured Destruction ‘взаимно-гарантированное уничтожение’, GLOM < Global Meteorological Experiment ‘глобальный метеорологический эксперимент’ (англ. яз.); GUV < gesetzliche Unfallversicherung (нем. яз.); IPAA < inspection du personnel de l’armée de l’air (фр. яз.).
2. ЛСГ со значением ‘отвлеченное понятие’: KWOC < Key Word out of Context ‘ключевое слово вне контекста’, ISCI < International Standard Code for Information Interchange ‘Международный стандартный код для обмена информацией’, CW < continuous wave ‘незатухающая волна’ (англ. яз.).

3. ЛСГ названий отвлеченного понятия без семы ‘действие’: PN < peuplement normal (фр. яз.).

Среди графо-лексических аббревиатур, имеющих конкретно-предметное значение, выделяются макрополя названий предмета и лица. Макрополе вещи (названий предмета) подразделяется на три неравноценные в количественном отношении лексико-семантические группы:

1. Названия учреждений и предприятий, ср.: МГИМО < Московский государственный институт международных отношений, АОН < Академия общественных наук, АЭС < атомная электростанция, ВЭМЗ < Владимирский электромоторный завод, ЦУП < Центральное управление перевозками (рус. яз.); NEC < National Exhibition Centre ‘Национальный выставочный центр’, МОТ < Ministry of Transport ‘министерство транспорта’, LAMDA < London Academy of Music and Dramatic Art ‘Лондонская академия музыкального и драматического искусства’, INDIS < Industrial Informational System ‘система промышленной информации’ (англ. яз.); EFD < Eidgenössisches Finanzdepartement (нем. яз.); DAAC < Direction des affaires agricoles et coloniales (фр. яз.). Однако графо-лексические аббревиатуры, входящие в данную ЛСГ, не могут быть отнесены к ней безоговорочно: во-первых, они часто имеют дополнительный оттенок значения собирательности, поскольку каждое учреждение является коллективом людей; во-вторых, учреждения всегда выполняют определенную функцию. Ср.: “Сбои в работе ТЭЦ приводят к тому, что население... в зимнее время часто остается без горячей воды и отопления” (КП. 2010. 22 нояб.).
2. Названия конкретных, сравнительно небольших объектов, ср.: КИП < комбинированный источник питания, МЭС < модульное энергетическое средство, ЭКШ < электронные шахматы, НУРС < неуправляемый реактивный снаряд (рус. яз.); NED < New English Dictionary ‘новый английский словарь’, LEM < Lunar Excursion Module ‘лунный модуль’, LED < Light Emitting Diode ‘светодиод’, GEM < Global Environmental Monitoring Satellite ‘спутник для глобального наблюдения за природной средой’ (англ. яз.); PA < Personenaufzug (нем. яз.); MI < masque d’inhalateur (фр. яз.).
3. Названия географических объектов (топонимы), ср.: ПНР, СССР, ОАЭ, США, АРЕ

(рус. яз.); FRG < Federal Republic of Germany, СК < Cape Kennedy ‘ракетный испытательный полигон Кейп-Кеннеди’, CZ < Canal Zone ‘зона Панамского канала’ (англ. яз.). KDVR < Koreanische Demokratische Volksrepublik (нем. яз.); URSS < Union des Républiques Socialistes Soviétiques (фр. яз.). В последние годы многие единицы группы перешли в разряд историзмов.

Макрополе лица (названий лица) в русском, немецком и французском языках характеризуется самой низкой представленностью, ср.: БОМЖ < (лицо) без определенного места жительства, БОЗ < (лицо) без определенных занятий, АСЭ < антисоветский элемент, МОПС < молодой отлично подготовленный специалист, ЧСВН < член семьи врага народа (рус. яз.); JCB < Juris civilis baccalaures (нем. яз.); NR < nouveau riche (фр. яз.). Однако при всей обширности М-поле названий лица в английском языке, в нем не было зарегистрировано графо-лексических аббревиатур, содержащих в структуре своего значения коннотативные компоненты, ср.: СВ < Companion of Bath ‘кавалер ордена Бани 3-й степени’, МА < Master of Arts ‘магистр искусств’, JINS < Juveniles in Need of Supervision ‘подростки, требующие надзора’.

Таким образом, графо-лексические аббревиатуры всех рассматриваемых разноструктурных европейских языков в основном распределяются по одним и тем же макрополям, что объясняется сходством, прослеживаемым в коммуникативно-дискурсивных тенденциях социума. Однако внутри макрополей отмечены значительные качественные и количественные отличия. Все эти факторы можно объяснить, с одной стороны, расхождением концептуальных сфер говорящих, а с другой – влиянием различий языковых структур, проявляемым в организации аббревиатуруобразующих микрополей (АМ-полей).

Графо-лексические аббревиатуры обладают рядом признаков самостоятельных слов: они вступают в мотивационные, синтагматические и парадигматические отношения, подчиняются фонетическим закономерностям оформления слова в том или ином языке, обнаруживают способность к развитию семантики, используются во всех типах дискурса. Тем не менее, вопрос о способности графо-лексических и некоторых графических аббревиатур служить мотивирующей основой для создания производных слов требует дальнейшего рассмотрения.

Английские графо-лексические аббревиатуры практически не обладают словообразовательным потенциалом. Очевидно, это связано с

аналитическим строем языка, который обеспечивает синтаксические способы создания соответствующих единиц. Однако русские графо-лексические аббревиатуры (как акронимы, так и алфавитизмы) демонстрируют значительный потенциал в плане порождения новых слов, принадлежащих к различным частям речи. Они являются существительными и прилагательными, в отдельных случаях наречиями, образованными уже от производных, и обладают различной семантикой, что также можно объяснить особенностями грамматического строя русского языка, более склонного к синтетическим способам создания единиц, выражающих то или иное понятие. Мотивирующими основами русских производных слов служат графо-лексические аббревиатуры, принадлежащие к двум макрополям: со значением собирательности (ЛСГ ‘объединение’) и со значением предмета (как правило, это единицы, входящие в ЛСГ ‘учреждение’). Ср.: натовец, натовский, пронатовский; чекист, чекистка, чекистский, по-чекистски; омоневец, омоновский; мхатовец, мхатовка, мхатовский; вазовец, вазовский; вузовец, вузовский. Производные от графо-лексических аббревиатур образуют следующие макрополя:

1. Макрополе названий лица (словообразовательные форманты -ец, -ш-ник, -ист, -ман), ср.: бамовец, омоневец, вазовец, эмжековец, итээронец, гепеушник, гайшник, петеушник, чекист, нэпман. В этом случае мотивирующая основа подвергается лексикализации, приобретая графическое и фонетическое оформление обычного слова. АМ-поле слов на -ец, образованных от графо-лексических аббревиатур, называет лица по их принадлежности к какой-либо организации, художественным и идейно-политическим течениям, временным или постоянным занятиям. Словообразовательное микрополе на -ш-ник включает значение ‘носитель предметного признака’, ‘лицо, относящееся к какой-либо организации, работающее в определенном учреждении’, объединяет слова употребляемые в разговорной речи и, как правило, не фиксируемые словарями. Микрополе на -ист малочисленно и включает в себя названия лиц по сфере занятий, склонности к какому-либо занятию и т.д. Микрополе на -ман представлено только словом нэпман, что, очевидно, связано с иноязычностью форманта.
2. Макрополе названий предмета. Входящее в него АМ-поле производных слов, образуя-

щихся за счет форманта -ик (ср.: рафик, газик, узик), характеризуется низкой представленностью. Микрополе прилагательных, образованных от графо-лексических аббревиатур, обладает качеством нейтральности оценки [Ревзина 1969: 27]. Входящие в него единицы образованы в основном с помощью двойного форманта -ов-ск и имеют значения 'оттенок предметного отношения' и 'характеристическая черта чего-то' (в профессиональной сфере), ср.: вузовский, эмжековский, энтэровский, эсэровский.

Собственно, графические русские аббревиатуры могут служить мотивирующей основой для производных слов. Однако в этом случае словообразование осуществляется в два этапа. На первом этапе происходит процесс лексикализации (зек < з/к, кэмэ < км, кэгэ < кг, уе < у.е.), на втором – деривации. Почти все подобные единицы употребляются, как правило, в устной речи и не входят в письменную (исключение – зек). Однако данные

процессы не получили широкого распространения. Так, даже лексикализованные единицы на втором этапе очень редко могут служить мотивирующей базой для производных. В тех случаях, когда это возможно, производные являются прилагательными (зековский, уешный), которые в основном употребляются только в устной речи, ср.: "Господа, мы с вами всё привыкли исчислять в уешном эквиваленте..." (РЭМ. Персонально ваш. 2011. 22 апр.).

Таким образом, общность тенденций семантического развития аббревиатур разных структурных типов в разноструктурных языках выражается в наличии общих ЛСГ аббревиатур, что связано с единством коммуникативно-дискурсивных направлений формирования европейского общества. Вместе с тем расхождения в структуре и наполненности М-полей обусловлены различиями концептуальных сфер носителей языков, а расхождение по АМ-полям связано с влиянием структурных характеристик языков.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Глушенкова О. А.

ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКИЕ МОТИВЫ ПРОЕКЦИИ ЛИЧНОСТИ НАЗАРА ЧАГАТАЕВА НА ПРОСТРАНСТВА ДИХОТОМИИ «МОСКВА-ТУРКМЕНИЯ»

Студент-магистр, 2 курс. Сибирский Федеральный Университет, г. Красноярск

PSYCHOANALYTICAL MOTIVES OF NAZAR CHAGHATAEV'S PERSONALITY PROJECTION IN THE FIELD OF "MOSCOW- TURKMENIA" DICHOTOMY

Glushenkova Olga, Siberian Federal University, Krasnoyarsk

АННОТАЦИЯ

Анализ текста повести «Джан» через призму психоанализа, выявление концепции Фрейда-Лакана на пространстве текста. Личность Назара Чагатаева в аспекте психоаналитической теории личности. Метод деконструкции. Отражение принципов разделения личности на Id, Ego и Super-Ego в пространствах Москвы-Туркмении.

ABSTRACT

The analysis of the novel "Dzhan" through the prism of psychoanalysis, the elicitation of Freud- Lacan conception in the text of "Dzhan". Nazar Chaghataev's personality in the aspect of psychoanalytical personality theory. The deconstruction method. The reflection of personality's division principles into Id, Ego and Super-Ego in the field of "Moscow - Turkmenia".

Ключевые слова: психоанализ, Id, Ego, Super-Ego, пространственность текста.

Key words: psychoanalysis, Id, Ego, Super-Ego, spatiality of text

«Век психоанализа» венчает высказывание Ницше о мертвом Боге, отпевая религиозного авторитета, одновременно помазав авторитета естественника – врача-психоаналитика и концепции психоанализа, опровергнув в корне высказывание немецкого мыслителя. Находясь на пороге неклассического типа мышления, общество неожиданно рождает концепцию, по своему смелому содержанию далекую от объективных универсалий классики, но по форме и структуре полностью классическую.

Учение З. Фрейда, по многим содержательным моментам признающееся сегодня абсурдным, в начале XX века переворачивает представление мыслителей о человеке, человеческой психике. ИмPLICITно или же явно – под влиянием психоанализа находятся многие. А. Платонов, написавший свои основные произведения после 20-х годов, то есть, через несколько лет после публикации лекций, прочитанных Фрейдом и объединенных в фундаментальный труд «Введение в психоана-

лиз», находился под влиянием психоанализа скорее в имPLICITной форме, так как нет достоверных источников о знакомстве воронежского писателя с психоаналитической теорией личности. Тем не менее, формула «идеи витают в воздухе» легитимирует использование классической психоаналитической концепции в анализе текста А.Платонова, даже с претензией на аналогичный смысл, вкладываемый последним.

В повести «Джан» (1935) прослеживается четкое разделение пространств: главный герой, Назар Чагатаев, находясь в Москве, вспоминает, как уехал, будучи ребенком, из Туркмении, Родины народа Джан. В сознательном возрасте, получив образование, он возвращается обратно, чтобы выполнить долг – навязанный Москвой (возможно, из бессознательного стремления вернуться в материнское лоно), затем возвращается в Москву. Таким образом, возникает дихотомия личности Чагатаева, проецируемая в пространства Москва-Туркмения. Важно подчеркнуть, что

Туркмения остается неназванной в повести, обозначается просто родиной Назара, местом, где живет народ Джан. Сам процесс «называния», фиксирования в печатное слово, характерен для более развитой психики, способной проецировать означающее, имя, на множество различных по своей форме, представленных в объективной действительности означаемых.

Читатель знакомится с Назаром Чагатаевым во время его пребывания в Москве, имя главного героя подчеркивает разрыв между пространствами: зачатый от русского солдата, он наследует фамилию отца и имя, данное ему матерью – Назар, которое очень распространено в Средней Азии, переводится как «Посвященный Богу». Главный герой действительно с самого начала не принадлежит себе, только другим людям. На выпускном вечере, после которого молодые специалисты должны разойтись «для строительства счастья на всей земле», Чагатаев знакомится с женщиной, которая становится его женой. Super-Ego, будучи бессознательными, культурными установками человека на соблюдение морали проявляется не в Назаре, который «не умел терпеть силу своей жизни» и которого «оскорбляла чужая недоступность», а в его жене - Вере, что «боялась погубить в страсти свое бедное утешение» [1; С.6] и была недоступна для молодого мужа, так и не допустила близости с ним.

Чагатаеву чужды моральные установки, равно как и шлаки отсутствия морали – в этом смысле он представляет собой некий ноумен, существующий вне опыта, сам по себе. Он принимает дочь Веры, становится отцом уже зачатого ребенка и не строит рефлексию, уместную в данном случае. Он делает это просто потому, что он делает это. В личности главного героя нет бессознательного пласта Id и Super-Ego, питающего оценочные суждения, взгляд Назара на его положение как в Москве, так и в Туркмении можно соотносить со взглядом евнуха души, уже знакомого по другому произведению А. Платонова – «Чевенгур». Тем не менее, именно Москва, вырастившая Чагатаева, отправляет его исполнить свой долг и вернуться на Родину, куда и попадает главный герой, приехав на поезде. Поезд – один из магистральных символов в творчестве писателя, обозначающий развитие, качественное изменение в движении. Исключение составляет поездка Назара – в рамках психоаналитического концепта движение поезда уместнее назвать обратным движением – деградацией, сползанием в «темные дебри» Id, представленные песками, Родиной народа Джан и его жителями.

Чагатаев покидает дом, будучи ребенком:

«Старая мать его, туркменка Гюльчатаяй, надела ему шапку-папаху, положила в сумку кусок старого чурека и еще добавила лепешку, испеченную из растертых корней камыша, катрана и ярмалыка, затем дала тростинку в руку, чтобы вместо старшего друга шло растение рядом, и велела идти» [1; С.6]

В младенческом возрасте ребенок неотделим от матери, питаясь ее молоком, он представляет себя одним с ней существом, не осознавая себя как отдельную личность, что З. Фрейд зафиксировал как оральную фазу развития, концентрацию на материнской груди. Завершение данного этапа происходит одновременно с осознанием себя как отдельной от матери личности, что ярко показал А. Платонов в болезненном переходе, замене матери тростинкой – символа постепенного лишения. Мать главного героя – Гюльчатаяй, пространство Туркмении, в котором он не осознает себя и из которого должен выбраться, чтобы в дальнейшем проецироваться на отца, кормильца, любовь которого, в отличие от материнской, не бессознательная, требующая поступков.

Москва, означаемая для большей наглядности образом Сталина, выступает для Чагатаева отцом, вскормившим его и поставившим на ноги. Москва же и гонит его назад, для свершений, платы за свою осмысленную любовь – товарищескую поддержку под доминантный аккорд последних слов повести: «Чагатаев убедился теперь, что помощь к нему придет лишь от другого человека» [1; С.66]. Ключевое слово здесь «Другой», ведь осознание себя, объективация происходит только посредством другого.

Оно или Id в психоанализе описано З. Фрейдом как совокупность инстинктивных влечений. Обнаружив себя в песках Родины, Чагатаев остается собой, ноуменом, без оценки происходящих сексуальных связей как явных (Муххамеда и девочки Айдым), так и имплицитных (инцестуозного порыва его матери «Старуха стала целовать его шею, грудь через одежду, руку, ползая лицом по человеку, и проверяла, и рассматривала вблизи все его тело: целы или нет его части, не отболело и не потеряно ли что-нибудь в разлуке») и просьбы Моллы Черкезова привести ему ослицу, чтобы «жить с ней по ночам и не было мыслей и бессонницы».

Все происходящее в этом материнском лоне пронизано инстинктами – поиск еды и размножения, если на последнее остаются хоть какие-то силы. Однако главный герой мыслит и действует здесь так же, как и в Москве: выходя из института,

он обращает внимание на предметы вокруг, бродя по пустыне, он обнаруживает мертвого красноармейца и предается размышлениям над ним, равно как и над вещами вокруг него, не акцентируя разницу между мертвым полностью и когда-либо живым. Лишь однажды он осознает всю низменность инстинктивных порывов этого места, что подчеркивает автор его восклицанием: «...далеко Москва, он здесь почти один, кругом камыш, водяные разливы, слабые жилища из мертвых трав. Ему скучно стало по Москве, по многим товарищам, по Вере и Ксене, и он захотел поехать вечером в трамвае куда-нибудь в гости к друзьям» [1; С.22].

Осознание другого места, отличного от места его взросления и становления как индивида, выражено лишь однажды, скудность пищи и тяжесть условий на протяжении всей повести не ломают героя, что доказывает не силу духа и смелость намерений, но абсолютную отреченность, границу между сознанием и бессознательным, наглядно показанную З. Фрейдом в метафоре айсберга. Назар Чагатаев не в Москве и не в Туркмении, он отделен от них водной гладью, он на поверхности, тогда как эти пространства – моральные установки на долг и инстинктивные порывы – находятся под водой, в бессознательном. Воспоминание о Москве – единственное истинное человеческое высказывание Чагатаева, страдающего в

пустыне, скучающего по комфорту, однако мгновение спустя в нем вновь говорит Москва, символизирующая долг перед отцом: «Но Чагатаев быстро понял себя. «Нет, здесь тоже Москва!» – вслух сказал он и улыбнулся» [1; С.22].

Таким образом, личность главного героя писатель делит на 3 части, соответствующие психоаналитической концепции личности – Id, Ego и Super-Ego. Id – как Родина, мать, пески неназванной Туркмении, непрогнозируемое Оно, неназванное, Super-Ego – в его фамилии Чагатаев, в Москве, где «молодой нерусский человек» много лет ел и учился «без упрека», на пространстве, вложившем в него веру в обязательства перед своей второй Родиной. И, наконец, Ego – в имени Назар, которое только и остается главному герою, «Посвященный Богу», то есть, самому человеку сознательному, Эго, не меняющемуся в своих мыслях под влиянием «подводной части айсберга»: бессознательные порывы первых двух частей Платонов спроецировал на изменяющиеся пространства и других людей, сплетенных в Универсум одной личности Назара Чагатаева – в Москве и Туркмении.

Литература

1. Платонов А. Потомки Солнца. Рассказы и повести. М.: Правда, 1987

ISSN 95420762

МНО «Наука без границ»

Ежемесячный научный журнал

№ (3) 9 / 2015

Главный редактор — д.фил.н. Андреева И.В.

Ответственный секретарь — к.фил.н. Заворюхин К.П

	Азарова Э.Н. – д.ф.н.
	Бербик З.В. – д. филос.н., член РАН
	Михайлова Т.Н. – д. ф. н.
	Незамичев К.К. – д.п.н.
	Остюшкин Д.П. - д.ф.н.
	Петрусинская Н.Я. – д.п.н.
	Поганяйло С.О. – д.филос.н.
	Самроский Д.Ю. – д.и.н.,
	Чижиков П.П. – д.п.н.
	Фамильцев Р.Ф. – д.соц.н., научный сотрудник РАН
	Шелудько О.З. – к.ф.н.
	Шевцова О.В. – д.полит.н.
	Яремчев Ю.Е. – д.филос.н.

Ответственный редактор: д.фил.н. Андреева И.В.

Художник: Азарова Катерина Тихоновна

Верстка: Ручников Сергей Антонович

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов. При перепечатке ссылка на журнал обязательна. Материалы публикуются в авторской редакции.

Адрес редакции: 620142, г. Екатеринбург, Щорса ул., д. 56

Адрес электронной почты: info@mnoborders.ru

Адрес веб-сайта: <http://mnoborders.ru/>

Учредитель и издатель МНО «Наука без границ»

Тираж 1000 экз.

Отпечатано в типографии 620142, г. Екатеринбург, Щорса ул., д. 56